

Алексей ГОРШЕНИН

ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ

Повесть

Не возвращайтесь
к былым возлюбленным.
Былых возлюбленных
на свете нет...
А. Вознесенский

Часть I

Наконец-то началась выдача багажа его рейса. Метелин подхватил плывший по транспортерной ленте чемодан с биркой авиакомпании и, лавируя в людской сутолоке, стал пробираться к выходу. Пассажиров скопилось много – сразу с двух рейсов, прибывших друг за другом. Метелина со всех сторон толкали, и сам он то и дело кого-то задевал, запинался о чьи-то вещи. У выхода и вовсе затор. Метелин решил переждать, пока толпа хоть немного рассосется, и остановился, опустив на бетонный пол чемодан. И тут же, как на неожиданно затормозивший в плотном уличном потоке автомобиль, в него врезались сзади с громким женским «Ой!» и выхлопом дорогих духов.

Бормоча извинения, Метелин обернулся и столкнулся с взглядом золотистокарих глаз элегантно-моложавой брюнетки в светло-коричневом брючном костюме. И уже не мог от него оторваться...

Когда-то далеко-далеко он уже видел, знал эти глаза. Только вот принадлежали они тогда вовсе не этой бальзаковского возраста, хотя и прекрасно сохранившейся статной даме. Что-то ворохнулось на дне памяти Метелина и стало медленно всплывать. Глаза женщины смотрели

на него в упор, и тоже будто бы прояснились от накатовавшего воспоминания.

Два-три мгновения это продолжалось, а потом глаза женщины вспыхнули так волновавшими когда-то Метелина золотыми искорками, и следом он услышал ее грудной, чуточку низковатый сочный голос, который он не спутал бы ни с чьим другим:

– Сережа... Метелин!..

У Метелина больше не оставалось сомнений.

– Таня... – отозвался он вдруг осипшим от волнения голосом. – Неужели ты?

– Я, конечно, я! Вот время идет – едва узнали друг друга!

Радостно и одновременно удивленно засмеявшись, женщина бросилась Метелину на шею.

– А я, признаться, и следы твои давно потерял, – сказал он и спросил, что-то вспомнив: – Да ты не из-за океана ли к нам нагрянула?

– Совершенно верно, – подтвердила она, слегка отстраняясь, но не переставая греть его золотистыми лучиками глаз, – оттуда!

– Дела или турпоездка?

– Я здесь теперь туристка. А в Штатах живу, – снова засмеялась она и коснулась ладонью его груди.

Это была холеная ладонь ухоженной, следящей за собой дамы, с изящным золотым кольцом на одном пальце и красивым янтарным перстнем, хорошо гармонировавшим с цветом ее глаз, – на другом. Но Метелин увидел не ее, а узкую девчоночью ладошку и почувствовал, как и

много лет назад, исходивший от нее жар.

Метелин хотел спросить, как она сумела обосноваться в Штатах, да еще и много чего, но не успел: к ним спешили мужчина с женщиной, в которой едва угадывалось отдаленное сходство с Таней. Да это ж ее сестра Надька с мужем, дошло до Метелина.

Наблюдая за родственными объятиями, Метелин переминался рядом с ноги на ногу и не знал, как быть: тихо, по-английски исчезнуть, или же уйти, вежливо попрощавшись. Но не хотелось ни того, ни другого.

– Надя, – спохватилась Таня, – а это Сергей Метелин, мой одноклассник. Помнишь, еще в школе к нам домой приходил...

Надя сдержанно кивнула, бросив тут же отскочивший от него мимолетный равнодушный взгляд. Ни внешностью, ни характером она на сестру почти не походила, а к нему, Метелину, и тогда в детстве относилась с непонятным ему пренебрежением.

– Пошли, девочки, пошли, – заторопился Надин муж, – машина ждет, надо ехать.

– Сергею местечко найдем? – спросила Таня.

– Нет-нет!.. Не беспокойтесь, я сам... Мне еще тут кое-что надо... – поспешил отказаться Метелин, видя, как неодобрительно скосила глаза на Таню сестра и напрягся ее муж.

– Тогда вот... – Таня достала визитку и протянул ему. – В ближайшие дни обязательно позвони – встретимся, поговорим!..

Уже несколько минут прошло, как троица скрылась за дверями аэровокзала, а Метелин продолжал стоять, тупо уставясь в картонный прямоугольничек, на котором по-английски и по-русски было типографским способом начертано красивой кллиграфической вязью: «Архитектура малозэтажных зданий и малых форм. Ландшафтная архитектура и дизайн. Фирма «Капителъ». Татьяна Алексеевна Иванова, генеральный директор...» Дальше шли номера телефонов, в том числе мобильного.

Стряхнув оцепенение, Метелин бережно спрятал визитку в нагрудной карман рубашки и направился к автобусной остановке.

Автобус вырुлил на шоссе, связывавшее аэропорт с городом. Народу в салоне в этот ранний утренний час было немного. Метелин откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и сразу же ощутил на груди удивительное тепло узкой смуглой девчоночьей ладошки...

...Всего несколько дней назад семья

Метелиных переехала в новый, на городской окраине, район, поэтому Сергей совсем еще новичок в здешней школе. Он и познакомиться толком ни с кем не успел. И с расписанием не освоился: последние два урока сегодня, оказывается, физкультура, лыжи.

Ребята были в свитерах, в удобных для лыжного бега куртках, а он, угловатый и нескладный, в поношенном куцем пальтишке, рукава которого не доходили до ладоней, в облезлой цигейковой ушанке и серых растоптанных пимах стоял посреди раздевалки, лоя со всех сторон насмешливые взгляды и нелестные реплики в свой адрес, и не знал, куда себя деть. Хорошо, лыжи были школьные, а не то, наверное, его вообще бы выгнали с урока...

...Какой же это был класс? – стал вспоминать Метелин. – Седьмой, восьмой? Нет, все-таки, наверное, восьмой...

Учитель физкультуры подобрал ему лыжи с ботинками по размеру и, скептически оглядев новичка, посоветовал болтавшиеся на худых ногах брючины заправить в носки, чтобы не набивался снег.

Лыжня началась недалеко от школы, и уходила в подступающий к жилым кварталам бор. Класс растянулся по лыжне длинной цепью. В самом ее хвосте плелся Метелин. Он вообще не был спортивным парнем, а уж лыжником – и подавно.

Впереди маячила невысокая гибкая фигурка, обтянутая свитером и спортивными трикотажными брюками (они еще только входили в обиход и были тогда редкостью). Забавный пушистый помпончик вязаной шапочки на голове девочки подрагивал в такт ее размеренным движениям, а Метелину казалось, что он укоряет его, тюху, плетущегося позади всех. И если бы не этот помпончик, Сергей, наверно бы, давно рухнул на лыжню.

Ботинки попались не совсем по ноге, и натирала ноги. Но хуже было с руками. Варежки Метелин потерял еще до переезда на новое место жительства. Матери он ничего не сказал о пропаже. Да ей сейчас и не до этого было. Зима стояла не очень морозная, и Метелин вполне обходился карманами пальто, заменявшими ему варежки. Но пальто (на лыжне не замерзнешь – сказал физкультурник) пришлось оставить в раздевалке. На ходу, в общем-то, и действительно было не так уж холодно. Голова в ушанке даже вспотела. Но вот руки... Голые руки, сжимавшие бамбуковые палки, которые он очередно вяло втыкал в снег, почти не чувствовались. Дувший навстречу хоть и не сильный, но колючий знобкий ветер еще

больше усугублял положение. Сергей приостанавливался, дул на ладони или прятал в карманы брюк, пытаясь хоть чуточку отогреть, но тут же приходилось пускаться вдогонку уходящему в бор классу.

Девочка впереди несколько раз оглядывалась на него. Метелин видел, что она могла бы бежать гораздо быстрее, но не хочет оставлять его одного. Когда Сережа очередной раз поднес руки, на кистях которых болтались бамбуковые палки, ко рту, девочка остановилась.

– Замерз... – посочувствовала она и спросила: – А что без варежек?

– Да... – неопределенно протянул Метелин и увидел, что девочка тоже без варежек, хотя ее-то рук, мороз, казалось, совсем не коснулся.

– Я не мерзну, у меня руки, знаешь, какие горячие! – сказала она и приложила свободную ладошку к его груди.

Метелин сразу же почувствовал в этом месте сухое, как от горчичника, тепло.

– А у тебя красные, как у рака, – засмеялась она и взяла его ладони в свои: – Давай, погрею.

Никогда не испытывал Метелин такого ощущения. Удивительно приятного, но и волнующе нового. Опыта короткого общения с девочками у него не было...

Она достала из карманов брюк две пушистые варежки и протянула ему:

– На вот...

– А ты? – опешил Метелин.

– Я же говорю – не мерзну!

И сама натянула ему варежки на руки.

Были они Метелину малы, но сохраняли горчичное тепло своей хозяйки. Шапочка с помпончиком снова замаячила впереди него на лыжне, но теперь, когда руки в маленьких тесных рукавичках перестали мерзнуть, тянуться за остальными стало гораздо легче.

Урок, наконец, закончился. Вымотанный Метелин и в раздевалку приплелся последним, когда там почти никого не оставалось. Хозяйки рукавичек тоже след простыл.

Дома Метелин положил варежки посушиться на батарею, да и забыл там. А когда на другой день в школе стал оправдываться перед их хозяйкой, она беспечно отмахнулась:

– А, вернешь когда-нибудь! Обойдусь...

У девочки той были очень простые русские имя и фамилия – Таня Иванова. Но чувствовалось, что течет в ней кровь не одной национальности. Смуглая, черноволосая, кареглазая, она казалась выходцем из какой-нибудь жаркой Испании. Ощущение усиливали как два птичьих крыла изогнутые, словно углем прорисованные, брови, с изящной горбинкой

нос и какая-то особая, можно даже сказать горделивая стать во всей ее ладной точеной фигурке, с вполне уже женскими формами и грудью, ощутимо натягивавшей ученическое платье с черным фартучком. (Хотя корни у Тани были все-таки славянские – в Сербии жили ее далекие предки.) В этой быстро зреющей пятнадцатилетней девочке, как в набравшем цвет бутоне, уже сейчас угадывалась красавица, к ногам которой сложит голову не один мужчина.

Училась Таня только на «отлично». Но зубрилкой не была. Учеба давалась ей легко. В отличие от многих одноклассников. Помимо уроков, хватало Ивановой времени и на разные другие занятия. Она ходила в изостудию, фотографировала, училась в музыкальной школе по классу фортепиано, посещала кружок балльных танцев, писала стихи... Разносторонняя, в общем, была девочка. И таланты свои по мере возможности обязательно старалась реализовать. Оформляла школьную стенгазету, давала туда свои стихи и заметки, на школьных вечерах играла на пианино, кружилась в вальсе... И все у нее получалось так же хорошо и легко, как и в учебе.

Сереже Метелину, звезд с неба не хватавшему, которому гранит иных школьных наук приходилось «грызть» чуть ли не со слезами, а каких-то талантов пока и вовсе не наблюдалось, было до нее, конечно, как до Луны.

Но отличница и любимица учителей Таня Иванова не задавалась. Она и с ребятами общалась так же легко, непринужденно, как и училась, как делала все остальное. Вокруг нее всегда роился школьный народ. И все-таки Таня не сливалась с ним, не растворялась в его гуще. Была она одновременно и вместе со всеми, и наособицу, как это часто и случается с личностями действительно незаурядными.

Иванова сидела за второй партой у окна. Метелин – за третьей в среднем ряду, и голова его то и дело непроизвольно поворачивалась в ее сторону. Отсюда, сбоку и чуть сзади, Сережа видел смуглый Танин профиль, обрамленный смолью волос, стянутых сзади розовым бантом в густой и слегка вьющийся хвост-метелку.

Времена в те годы, не в пример нынешним, были строгие. Подобные «хвосты», почему-то презрительно прозванные (скорее всего – учителями) «я у мамы дурочка», могли позволить себе лишь выпускницы. Восьмиклассницам же предписывалось носить косы. Иванова и здесь была девочкой особенной и как бы исключением из правил.

В ясные дни, уроку к четвертому, когда солнце окончательно просыпалось и врвалось в школьные окна, Танин профиль на их сверкающем морозным стеклом фоне приобретал удивительный янтарный оттенок. Иногда, видимо, ощущая на себе пристальный Сережин взгляд, девочка, не меняя положения за партой, на мгновение слегка поворачивала к нему голову, скашивала глаза, и сноп золотистых искр, вырвавшихся из них, накрывал Метелина с головой, как рой каленых стрел кочевников, поджигая предательским огнем щеки и заставляя колотиться сердце.

Метелин пытался Таню с кем-то сравнить, провести аналогию. Но в голову лезла в лучшем случае египетская Клеопатра, внешность которой Сережа мог себе представить только по картинке из учебника истории древнего мира, или же Кармен с заколотой в волосах алой розой, изображенная на этикетке одноименных духов.

Так и пялился на нее Сережа, забываясь на уроках до того, что в наступившей тишине над его головой вдруг раздавался зычный голос крупногабаритной массивной математички: «О чем задумался, детина!» Метелин вздрагивал, возвращался под смех класса к действительности. Бросая на него свой искристый взгляд, Таня смеялась со всеми, добавляя в душу смятения. Сережа наливался краской до корней волос, и если бы в этот момент его поменяли местами с Ивановой, он, наверное, походил бы на фоне солнечного окна на только что вытщенный из кузнечного горна раскаленный прут железа.

На переменах Метелин одиноко подпирал в коридоре подоконник и с завистью наблюдал, как выютя вокруг Ивановой одноклассники. Проклятые застенчивость, неуверенность в себе не позволяли ему запросто подойти к Тане, о чем-нибудь спросить, завести непринужденный разговор. Уже почти месяц он в новой школе, но так почти ни с кем и не сошелся, не подружился. А с Ивановой только «здравствуй» да «пока». Провожать ее до дому Метелин тоже не мог: было им не по пути – жила Иванова в противоположной от его дома стороне, а главное, всегда за ней кто-то увязывался: либо свои же ребята-одноклассники, либо кто-нибудь из параллельного, но чаще Таня уходила домой в компании своей подружки и соседки по дому рыженькой Вали Осиповой. Странно было видеть их вместе – жгучую юную Кармен и золотистый подсолнушек; умницу, красавицу, многих способностей и достоинств отличницу и бес-

таланную троечницу. Тем не менее, они дружили.

На уроках физкультуры шапочка с помпончиком уже не маячила перед Метелиным – Таня теперь была все время в голове растянувшейся лыжной цепочки. А позади Сережу и еще парочку девочек, таких же, как он, никудашных лыжниц, подстегивал голос физрука: «Шевелитесь, родимые, шевелитесь! Палками активнее работайте, палками!» А потом на границе зимы и весны ударила ранняя оттепель, лыжня просела, и занятия перенесли в спортзал, где девочки занимались отдельно от мальчиков.

Рукавички Метелин так и не вернул. Таня больше не вспоминала, а Сереже уже и не хотелось их возвращать. Он спрятал варежки в ящике письменного стола. А когда доставал взглянуть, сразу же ощущал на груди горчичный жар ее смуглой ладошки.

С мертвой точки их отношения сдвинулись на школьном вечере в честь 8 марта.

Раньше Метелина такие мероприятия мало интересовали. Танцевать он не умел, хотя музыку любил и чувствовал. Дома имелось немало пластинок с записями народных и популярных песен, танцевальных мелодий. Когда в квартире никого не было, Сережа включал проигрыватель и слушал в приятном одиночестве. На шумных вечерах в больших залах усиленная динамиками музыка звучала уже как-то жестче, крикливее, резала ухо. Да и сама их сутолочная взвихренная атмосфера заставляла Сережу, больше склонного к тишине и размеренности, быть не в своей тарелке.

Он бы и на этот раз никуда не пошел, если б не Иванова. А то, что без нее вечер не обойдется, Метелин и без посторонней помощи догадывался.

Полдня накануне вечера Сережа находился в полнейшем смятении. Что надеть? Как он будет выглядеть? Никогда раньше он об этом не думал – не было никакого повода, но сейчас... Сережа пристально всматривался в зеркало и ничего утешительного для себя в нем не видел. Уши большие, русые волосы кажутся пылью припорошенными, высокий лоб портит кучка, как опять же на пеньке, высыпавших возрастных прыщей, впалые щеки и худой, чуть выдвинутый вперед подбородок подернулись светлым пушком, который старший брат Дима, смеясь, называет незрелой щетиной. Подпирающая голову худая шея переходит в тощую угловатую фигуру. А вот налитые густой чистой синевой глаза его, по утверждению Сережиной мамы, еще не одной особы противоположного пола могут привлечь вни-

мание. Только что в них особенного, не верил Сережа, – глаза, как глаза.

С одеждой тоже проблема. Жили Метелины небогато, можно сказать, сводили концы с концами. Новая квартира добавила материальных забот. Обычно Сережа донашивал вещи за старшим братом. Что-то специально для него покупалось нечасто. Так что выбора, по сути, и не было: что в мир, то и в пир, в чем в школу ходил, в том и на вечер собрался. Отутюжил несколько коротковатые темные (истинный цвет их определить было уже невозможно) брюки, пошоркал щеткой предательски поблескивавший на локтях поношенный кургузый пиджачишко, почистил стоптанные ботинки. Хотел позаимствовать у брата и нацепить себе на шею модный тогда узенький галстук-селедку, разрисованный пальмами, но, примерив, раздумал: каким-то совсем чужим он в нем себе показался. В общем, пошел, в чем ходил всегда.

Широченный школьный коридор на втором этаже, служивший заодно и актовым залом, был полон. Народ собрался с восьмого по десятый классы. Что уж там про девятиклассников, а тем более выпускников говорить, которые вообще пижонами выглядели, – восьмиклассники и те преобразились. Модно подстриглись, причесались, некоторые даже набриллились. Метелин, и постричься-то забывший, при виде одноклассников запаниковал. А когда заметил в толпе нарядной публики Иванову, и вовсе пожух, как ударенная заморозком трава.

Таня появилась на вечере в длинном вечернем платье. Его темно-фиолетовая ткань, хорошо оттенявшая смуглую кожу, при каждом движении волшебным переливалась в залитом электричеством зале. Неглубокое декольте приоткрывало Танину спину и ложбинку на груди. Исчез перетянутый розовым бантом на затылке хвост. Вместо него появилась какая-то умопомрачительная прическа, делавшая Иванову еще привлекательней и взрослей. А бант украшал теперь ее правое плечо.

Женщин в таких нарядах Метелин видел только на экране телевизора во время праздничных концертов да иногда в кино. Сережа не мог отвести от Тани взгляда.

И не он один. Восхищенно шушукались вокруг девчонки, обсуждая наряд Ивановой. Переглядывались ребята. С интересом посматривали в ее сторону выпускники. Благоклонно улыбались учителя, прощая неслыханную вольность (кому другому это с рук не сошло бы).

Сережа вдруг представил себя рядом ней, сверкающей, как сказочная принцес-

са, и от стыда и тоски у него заняло под ложечкой.

Потом начался концерт школьной самодеятельности, и Метелин понял, что в таком наряде Иванова пришла вовсе не для того, чтобы просто поразить публику. Она села за школьное пианино и сделалась как бы продолжением его черной полированной поверхности, по которой при каждом взмахе над клавишами Таниных рук металась ее отражения. Что она тогда исполняла – Шопена ли, Шуберта – Метелин уже не помнил, насколько хорошо играла, судить по своей музыкальной неразвитости – не мог. Но и рояль, в черной полировке которого отражался школьный зал, и извлекаемые из инструмента красивые сочные звуки, и сама Иванова в эти минуты, грациозно раскачивавшаяся из стороны в сторону в такт музыке, завораживали.

Когда начались танцы, Метелин затосковал окончательно. Таня была нарасхват. Она и танцевала замечательно. А в вечернем своем наряде так и просто эффектно! Сережа решил, что делать ему здесь больше нечего, пора уходить? и собрался уж было отлепиться от стены, но кто-то из присутствующих учителей объявил: «Белый танец. Дамы приглашают кавалеров!» Не без некоего педагогического умысла, видимо, поскольку Метелин в своем угрюмом стоянии у стены был далеко не одинок, и девчонкам чаще приходилось танцевать самим с собой.

Ребята приосанились, расправили плечи и, напустив на себя безразличие, с напряженной надеждой ждали приглашения. Метелин не ждал ничего, но заигралo любимое им «Арабское танго», и он остался послушать. Ну и... все-таки интересно было посмотреть, кого же пригласит Иванова. Он поискал ее глазами и не нашел. Куда подевалась?

– А ты чего не танцуешь? – оживилась Валя Осипова, давно стоявшая тут, рядом, искоса поглядывая на Сережу. За вечер ее никто ни разу не пригласил. – Скучно ведь так...

И, не договорив, осеклась, замолчала, глядя за его плечо. Метелин оглянулся и увидел перед собой Иванову. Она разругнулась, глаза ее возбужденно блестя, а оттого показалась Сереже еще прекраснее.

– Молодой человек, разрешите? – легким изящным движением подала она ему руку, и Метелин почувствовал, как наливается до краев жарким волнением.

Он глупо улыбался, враз отяжелевшие ноги прилипли к полу. На него, хихикая, посматривали девчонки. Ухмылялись ребята. Положение становилось катастрофическим. Тогда Таня сама решительно

взяла его за руку и повела в гущу танцующих. Опустив голову, чтобы не видеть провожающих его насмешливых взглядов, Сережа, как телок на привязи, поплелся за нею.

– Я не умею, – шепотом признался он по пути, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом.

– А чего тут уметь? – удивилась Таня так, будто ходить и танцевать любой человек должен был начинать в раннем детстве одновременно. – Это ж тебе не джайф какой-нибудь и даже не вальс, а примитивное танго. Давай: одну руку мне на плечо, другую – на талию? и – поехали! – скомандовала она.

Сережа послушно расположил свои руки, где было сказано, и Таня сама повела его в танце. Сначала он неуклюже топтался возле своей партнерши, но, быстро уловив ритм и рисунок танца, стал двигаться почти в унисон с нею. Это удивительным образом раскрепощало Сережу и возвышало в собственных глазах. Он ловил на себе удивленные взгляды и невольно расправлял плечи, словно готовился выпустить из-под тесного пиджака крылья.

– А ты молодец – на лету ловишь! – похвалила Таня, когда танец кончился. Метелин зарделся и готов был вот-вот взмахнуть крыльями.

Когда через несколько ритмичных мелодий зазвучало опять что-то медленное, Метелин, словно в ледяную воду ухнувшись, сам бросился приглашать Иванову. Она засмеялась, показывая аккуратные, ровные и такие же, как вся она сегодня, ослепительные зубки, и как-то загадочно сказала:

– Проснулся, наконец, царевич Несмеяна!

Чем дальше, тем уверенней чувствовал себя Метелин. И если сначала, от страха деревеняя, не ощущал близости партнерши, то потом каждое прикосновение к девушке назлектризовывало Сережу так, что, казалось ему, между ним и Ивановой вот-вот пробежит электрический разряд. Что-то похожее, видно, происходило и с Таней. В очередном их танце она на миг приостановилась и вдруг стремительно подалась грудью к нему. Два налитых упругих шара, чуть не прорывая фиолетовую ткань платья, со всей силой уперлись ему в грудь, и он чуть не потерял сознание...

Метелин вошел во вкус и танцевал бы теперь еще и еще (только с Ивановой, естественно), но, когда он попытался пригласить ее в очередной раз, Таня замотала головой.

– Душно здесь, – сказала она и тут же предложила: – Лучше пойдем, погуляем?

Только я переоденусь. Жди меня внизу, у раздевалки.

И умчалась. А минут через пять Метелин увидел ее уже без вечернего наряда, в брюках и свитерочке. Осталась только замысловатая прическа. Таня протянула ему большой целлофановый пакет с платьем и туфлями, и они вышли из школы.

Они шли по аллее высоких тополей. Мартовский морозец пощипывал щеки. Таня, совсем как взрослая дама, взяла Сережу под руку, и он даже сквозь несколько слоев их одежды почувствовал, как приливает к нему жар ее тела....

...О чем же они говорили тогда? – силится вспомнить Метелин, глядя, как за окном автобуса проплывают дома пригородного поселка.

Скорее всего, делились впечатлениями о вечере. Сережа восхищался Таниной игрой. Да и как не восхищаться, если он и звуки живого (а не по радио или телевидению) рояля услышал впервые в жизни. Вспоминали, кто и что прочитал нового, интересного в последнее время. Читал Сережа с детства всегда много и с удовольствием, поэтому здесь он был с Ивановой на равных. Расспрашивали друг о друге, о том, кому что нравится. И здесь у них неожиданно обнаружился общий интерес.

Еще в седьмом классе Метелин увлекся архитектурой. Получилось это как-то неожиданно, но захватило с головой. Он брал в библиотеке книги по архитектуре, читал архитектурные журналы. Не все, конечно, понимал, но вполне уже улавливал, какие в этой области идут процессы, какими закономерностями она отличается. Архитектуру Сережа воспринимал как гармоничное искусство. Как живопись, например, или ту же музыку. Архитектура, как и любое другое, искусство многих жанров и форм. Свое предпочтение Сережа отдавал формам крупным. И больше всего увлекала его градостроительная симфония. Чертить планы-схемы кварталов, домов, жилых районов стало его стихией. Ими был забит ящик его стола. Теперь вот собрался один из «спланированных» им микрорайонов воплотить в макете.

– Ух, ты! – восхищенно пропела Таня, услышав об этом. – Значит, у тебя пространственное мышление развито. А у меня дальше отдельных домов фантазия не идет. Представить себе сразу целый жилмассив мне трудно, – призналась она. – Я коттеджи люблю рисовать: небольшие такие, уютные домики. Хочешь посмотреть? Ты мне свои рисунки принеси, а я свои покажу.

От такого предложения у Метелина захватило дух. Приглашения в гости он не ожидал...

...Автобус уже катил по городским улицам. Метелин потянулся, зевнул, подумал, что надо выспаться. Рейс задержался, полночи пришлось проторчать в аэропорту отправления. И в самолете не спал, а только кемарил.

Жены дома Метелин не застал. В холодильнике нашлась тарелка с жареными котлетками. Метелин положил парочку на сковородку разогреть. Но аппетита не было. Поест решил, когда поспит. А пока переоделся в домашнее, прилег на диван в зале и закрыл глаза. Но сон не шел. Неожиданная встреча с Ивановой не выходила из головы...

...Уже чуть ли не час Метелин нарезал круги вокруг дома Ивановых и никак не мог решиться войти в подъезд. Наконец собрался с духом, поднялся на третий этаж и замер с гулко бьющимся сердцем возле массивной, обитой дерматином двери квартиры Ивановых. Потянулся к пуговке звонка, но дверь вдруг распахнулась сама, и на пороге возникла Таня.

– Я видела, как ты в подъезд вошел, – сказала она удивленному Сереже и потянула его за руку.

Сережа переступил порог и оказался в просторной прихожей. Пока раздевался, снимал тяжелые осеннее-зимние ботинки и всовывал ноги в тапки, в прихожей появилась белобрысая девчонка лет двенадцати, чем-то отдаленно напоминавшая Таню, и, как ему показалось, презрительно уставилась на него.

– Это Сережа, одноклассник, – сказала Таня и, в свою очередь, представила девочку: – А это Надя, моя младшая сестренка.

Квартира показалась Сереже огромной. Просторная прихожая, широкий коридор с ковровой дорожкой, большие комнаты с высокими потолками, ковры на стенах и современной дефицитной мебелью. А кухня, где вольготно чувствовали себя и круглый стол, и диван, и буфет, и большой холодильник, и много разных других предметов, Метелина поразила особенно. На ее пространстве, наверное, запросто вместились бы вся их малогабаритная двухкомнатная «хрущёвка».

«Живут же люди!» – вздохнула б с завистью Сережина мама, но вряд ли удивилась. От нее Сережа уже успел узнать, что Ивановы – люди с положением и достатком: Марьяна Николаевна, мать Тани, главный врач районной больницы, а отец, Алексей Федорович – начальник крупного строительного управления.

Такой же просторной и высокой, как и все здешние апартаменты, была и комната сестер. У каждой на своей половине

по письменному столу с книжными полочками над ним, плательному шкафчику и диванчику. На Надиной половине Сережа увидел огромный аквариум с подсветкой, где резвились рыбки самой причудливой окраски, а на Таниной – сверкающее черным лаком пианино с иностранными буквами на передней крышке. Проходя мимо, Сережа непроизвольно погладил его, но Таня потянула его к письменному столу.

– Садись, – пододвинула ему пуфик на трех ножках.

Сережа неуверенно присел, озираясь. Он чувствовал себя здесь, как в другом царстве.

На Танином столе легкий беспорядок. Вперемешку учебники, альбомы для рисования и папки для черчения, ноты, художественные книги. На другом конце – рисовально-чертежные принадлежности: разной твердости карандаши, ластики, краски, огромная на множество предметов готовальня, линейки и даже небольшая компактная чертежная доска с настоящей рейсшиной. От всего этого богатства у Метелина чуть слюни не потекли. А Таня уже тянула с его колен потертую канцелярскую папку, которую он принес с собой:

– Что там у тебя?

От волнения у Сережи вспотели ладони, но папка уже перекочевала в Танины руки. Она развязала тесемочки и стала перебирать-разглядывать ее содержимое. Делала она это очень внимательно, отчего Сережа волновался еще больше. А потом засыпала его вопросами: а что это? а это? а почему здесь ты решил сделать так? а не лучше ли вот так?.. Вопросы из нее лились фонтаном. И чем больше их было, тем сильнее воодушевлялся Сережа. Он раскраснелся, глаза его горели, руки сами собой чертили в воздухе какие-то фигуры. Ему давно хотелось рассказать кому-нибудь о тех замечательных городах, которые рождает его воображение, и которые он хотел бы подарить людям. И вот сейчас такого заинтересованного понимающего слушателя в лице Тани он нашел.

Метелин, наверное, еще долго бы разглагольствовал, но тут вдруг из-за спины Тани выглянула ее сестра и, скорчив рожицу, показала ему язык. Метелин запнулся, смешался и сконфуженно замолк.

– Надька! – прикрикнула на нее сестра, и та мигом исчезла.

– Не обращай внимания, – успокоила Таня, обдавая Сережу сыпанувшими из карих глаз теплыми золотистыми искорками. – Мелкая хулиганка.

– Тебе, наверное, интересно было? – упавшим голосом сказал Метелин.

– Ну что ты! – запротестовала Таня. – Очень даже интересно! Такая фантазия! Только знаешь... – замлалась она. – Ты не обижайся, ладно?.. У тебя с рисунком... да и с черчением слабовато. Даже удивительно...

– Да я знаю, – согласился Метелин и вспомнил, как маялся на уроках рисования, когда приходилось переносить на бумагу те или иные предметы.

Однажды в шестом классе рисовали с натуры молочный бидон. Надо было, чтобы он получился выпуклым, объемным. Достичь этого можно было правильным наложением светотеней. Но именно этого Сереже как раз никак и не удавалось. И вместо стройного круглобокого молочного бидончика из Сережиного альбома выглядывало какое-то перепачканное графитовыми штрихами страшилище. Учитель рисования долго изучал его творение, потом, покачив головой, сказал:

– Смотри, это же так просто: надо только почувствовать, как ложится свет. Представь себе солнечный зайчик, блик. Он упал сюда... – учитель сделал несколько движений стирающей резинкой по корявой штриховке Сережи, и все светотени сразу же легли на свои места. Потом еще несколько едва уловимых пазов карандашом и ластиком...

Сережа следил за рукой учителя, и страшилище на его глазах превращалось в красивую и, главное, как настоящую посудину, которую хоть сейчас бери в руки и иди с ней к молочнице тете Кате, продававшей молоко из алюминиевых фляг прямо на улице.

– А я вот... – Таня положила на Сережины колени ворох ватманских чертежных листов.

Метелин стал перебирать их. Везде были нарисованы дома. Самые разные. Иногда многоэтажные, даже небоскребы попадались, но по большей части – одно-двухэтажные особнячки и коттеджи. Одни были похожи на корабли, покачивавшиеся неподалеку от берега, другие – на морские раковины. Третьи и вообще поражали какими-то причудливо-фантастическими формами. Встречались в этом бумажном ворохе и этюды с изображением старинных зданий и узких средневековых улочек.

– Это Старый Таллин. – пояснила Таня. – Мы там отдыхали. Там так здорово! Оттуда все и началось. Я полюбила рисовать дома и свои стала придумывать.

Дома на бумаге выглядели совсем настоящими. Внешним их видом Иванова не ограничивалась. Немало было в ее рисунках интерьеров со всем внутренним убранством: мебелью, бытовой техникой, различными предметами домашнего оби-

хода и уюта. Они тоже были выписаны и прорисованы так, что, казалось, при желании до них можно дотронуться рукой.

Да, отметил про себя с завистью Метелин, рисовала Иванова прекрасно! И не просто рисовала. Она фантазировала. В ее рисунках то и дело проявлялось что-то такое, чего Сережа ни на городских улицах, ни в журналах архитектурных никогда не видел. В каждом из ее коттеджей и особнячков была своя особинка, изюминка, но каждый чем-то – изящностью ли очертаний, воздушной легкостью, теплым ли радостным светом, его наполняющим, – походил на свою создательницу. Во всяком случае, Метелину, вглядывавшемуся сейчас в глазницы различных по конфигурации окон Таниных домов, казалось, что вот-вот брызнут они снопами золотистых искорок.

От всего этого рисовального великолепия Метелин прижух. Но Иванова не дала ему окончательно впасть в уныние.

– Ты научишься рисовать, – сказала она, – обязательно научишься. В изостудию запишись. А хочешь – я с тобой буду заниматься?

Такому предложению Метелин было обрадован, но тут раздался звонок в квартирную дверь, и через минуту на пороге Таниной комнаты появилась очень похожая на нее женщина.

– У нас, какется, гости? – услышал Метелин ее сочный, низковатый грудной голос, который еще больше добавлял сходства с дочерью.

– Это Сережа Метелин из нашего класса, – представила Таня.

– Здравствуйте, – тихо поздоровался Сережа и невольно поежился под строгим взглядом Таниной мамы. Теплых золотистых искорок в нем не было.

– Хотя бы чаем гостя напоила, – укоризненно покачала головой Марьяна Николаевна, Танина мама.

– Ой, мы тут заговорились, я совсем и забыла! – воскликнула в оправдание Таня...

...Марьяна Николаевна в юности своей была, наверное, вылитая Таня, подумал Метелин, ерзя на диване. А сейчас и Татьяна уже в том ее, матери, возрасте. Только выглядит моложавей да импозантней. И без материнской суровости...

Впрочем, суровость Марьяны Николаевны была скорее внешней. Во всяком случае, Сережа Метелин на себе суровости ее в дальнейшем не ощущал, хотя бывать у Ивановых с тех пор стал нередко. К его появлениям Марьяна Николаевна относилась вполне благосклонно. И даже, по словам Тани, назвала его приличным скромным мальчишкой.

Лучше б не называла никак! Этим оп-

ределением она как бы ставила Сережу в общий безликий ряд, который Тане всегда был скушен, где находиться она не желала и предпочитала тех, кто из него так или иначе выделялся, выламывался. И не обязательно умом, талантом, внешними ли данными. Ее притягивало все неординарное. В чем оно выражалось, для Ивановой не имело фактически никакого значения. Ей подчас достаточно было лишь штриха, намека на неординарность. Остальное дорисовывало ее воображение. Что, собственно, красноречиво подтверждали и рисунки ее домов-коттеджей, принимавших самые причудливые формы.

Сережа Метелин Танино внимание зацепил тоже тем, что поначалу не вписывался в привычный ряд ее одноклассников. Худой, неуклюжий, угловатый, смешной. В куцем пальтишке, коротковатых брюках. Да еще без варежек в мороз... Потом она стала ловить на себе его взгляды. Время настоящей любовной горячки еще не пришло, а оттого ощущение от них было необычно, свежо и волнующе. Еще раз Метелин удивил Иванову увлечением архитектурой. И не столько даже самим фактом сходства их интересов, сколько тем, что при этом он совершенно не умеет рисовать. Продолжай Сережа ее удивлять чем-то и дальше в том же духе, возможно бы, их отношения и не зашли в тупик...

Но это сейчас, с дальней дистанции прожитых лет, легко так рассуждать, вздохнул Метелин, лежа на диване и глядя в потолок, а тогда до способности анализировать и себя, и других было еще как до Китая пешком.

...А тогда он просто упивался Ивановой. Как упивается томимый жаждой путник, припавший к долгожданному роднику. И готов был пить из него бесконечно, не осознавая, что родник может иссякнуть, что ему тоже нужно время для передышки и пополнения. Сережа, как тень, всюду следовал за Таней: провожал ее из школы домой, плелся за нею в изостудию, музыкальную школу, просиживал часами у нее дома, вызывая неудовольствие младшей сестры, с которой у них как-то сразу не получилось контакта. Он ходил с Таней в филармонию, в театры, даже в музеи она его водила. Именно она, потому что обычно сам он предложить пойти куда-нибудь не мог. С одной стороны, стеснялся, да и не знал – куда, а с другой, если и знал, то ввиду постоянного отсутствия карманных денег купить билеты на двоих для него было всегда большой проблемой. Тане он в этом, конечно, не сознавался, но она и сама чувствовала, а потому просто ставила его перед фактом

очередного культпохода, показывая приобретенные ею билеты. В классе их дружба не осталась незамеченной. Девчонки фыркали: чего это Иванова в нем нашла, но приходили к выводу, что это в ее стиле. Мальчишки и вовсе не вникали в их отношения, внутренне Иванову остерегаясь. Но все же ехидно посмеивались: таскается за ней, как привязанный.

А Метелин и рад бы, да уже ничего с собой поделать не мог. Любовный недуг одолевал его все сильнее.

Весна подкатывала к лету, на носу были экзамены, и Таня решительно сказала, подразумевая их свидания и самого Метелина, все больше становившегося ее тенью:

– Не отвлекайся! Тебе надо заниматься.

И она была права. Не имея способности все схватывать на лету, Сережа действительно должен был брать учебу усидчивостью.

Натура волевая и деятельная, Таня решительно отставила их встречи вне школы и пресекала все попытки провожать ее до дому. Категорически отвергла она и предложение заниматься вместе, сказав, что будут они мешать друг другу. Метелину осталось только смириться.

...И правильно сделала, мысленно похвалил ее сейчас Метелин, иначе завалил бы он тогда все экзамены...

...Сдать-то он их сдал, но потом свалился с температурой и проболел неделю. Из-за этого не смог пойти на вечер по поводу завершения восьмилетки, хотя очень хотел и мечтал о новых после него свиданиях с Ивановой.

А когда выздоровел, оказалось, что Тани нет в городе – как сообщила Валя Осипова, сначала погостит у бабушки, а потом отправится с родителями в Прибалтику, и раньше осени ждать ее не стоит.

Сережа впал в уныние. Не видеть Таню до осени казалось ему невыносимым. И он бы, наверное, засох от тоски, но получилось так, что особо скучать и тосковать ему не пришлось. Отец взял его с собой в рейс!..

Метелин-старший был речником: ходил механиком на большом теплоходе класса «река-море», бороздившем воды великой сибирской реки и даже выходившем в океан. Сережа давно упрашивал отца взять его с собой. Но тот лишь шутиво отмахивался: мол, пассажиров не берем. А тут после очередного рейса сам сказал: «Собирайся, в зововья, к Ледовитому пойдём. Я договорился, чтобы тебя матросом взяли».

И без мамы тут, конечно, не обошлось. Она была простым бухгалтером, но понимала и чувствовала людей очень хорошо. Своих детей – тем более. Поэтому вполне естественно мимо ее внимания Сережины страдания не ускользнули. Тем более что были они уже в той лихорадочной стадии, когда сегодня он готов был помчаться за Таней вслед, а завтра, наоборот, бросить школу только для того, чтобы выбросить Иванову из сердца вон. Не отказать было маме и во врожденном педагогическом чутье. Она не стала приставать к Сереже с расспросами, утешениями или назиданиями типа «не по себе дерево рубишь», а просто постаралась «переключить» сына на другую «волну».

В общем, в середине июня Сережа Метелин начал постигать все прелести жизни речника. Матросская работа, может быть, и не ахти какая сложная, но хватало ее всегда. Особенно уборка палубы доставала. Сережа ведром на тонком канатике-лине зачерпывал забортную воду, выплескивал ее перед собой и веревочной шваброй, похожей на конский хвост, привязанный к деревянной ручке, начинал драить палубу. Хвост извивался, сопротивлялся, его надо было укрощать, заставляя двигаться ровно и размеренно. Поначалу дрожали ноги, отваливались руки, но потом все это стало проходить и приходит ощущение наливающейся силы. В первые дни рейса Сережа после вахты валился пластом на свою шконку и засыпал мертвым сном, но уже через неделю мог подолгу любоваться у борта постоянно меняющимися пейзажами, от которых чем ближе к океану, тем больше захватывало дух. Река с каждым днем становилась шире, берега удалялись, пока не стали едва видимыми. Начиналась «губа». В разгаре было лето, а здесь чувствовалось ледяное дыхание океана...

...Как давно было, а запомнилось на всю жизнь, хотя в каких только уголках не пришлось ему в качестве инженера-строителя гидротехнических сооружений потом побывать! Как первая любовь то путешествие, пришло Метелину сравнение. Почему же – как? – поправил он сам себя, усаживаясь на диване (все равно сон никак не шел). – Все было первым: и то, и другое...

В школе Сережа появился только в середине сентября. Он загорел, обветрил, распрямился, прибавил в весе или, как сказала мама, «окраял», и (это уже по утверждению старшего брата) стал приобретать нормальный мужской вид.

Девятые классы перед началом учебного года две недели копали в пригород-

ном совхозе картошку, поэтому занятия только начались, а что касается картошки, так она у Метелина была своя, не чета совхозной. Не случайно же директор уважительно расправил принесенную Сережей справку с солидной круглой печатью речного пароходства, в которой значилось, что он, Метелин, в период навигации – с такого-то по такое – работал матросом на теплоходе таком-то.

Потом, как обычно после учебного года, на уроке литературы – сочинение «Как я провел лето». Метелин тему эту терпеть не мог, потому что лето ему проводить приходилось в лучшем случае в пионерском лагере, но чаще – в городе, который от этого казался ему «зимой и летом одним цветом». Но сейчас Сережа писал с удовольствием, вспоминая речные пейзажи, нефтяные вышки в среднем течении реки, прибрежные поселки с деревянными тротуарами, рыбацкие станки аборигенов и конский хвост ненавистной веревочной швабры.

После проверки сочинений литератора по традиции зачитала лучшее. И никто в классе не сомневался, что его автором, как и год, и два назад будет Иванова. Но учительница вдруг стала читать сочинение Метелина. В классе повисла тишина. Одноклассники с удивлением оглядывались на него. Метелин напряженно замер. Никогда еще не приходилось ему становиться «героем дня».

На перемене Иванова подошла к нему. Она смотрела на него так, будто видела впервые.

– Ты возмужал, – сказала она и приложила смуглую ладошку к его груди.

Сережа почувствовал, как прошел через него электрический разряд, а сам он наливается горчичным жаром. Метелин непроизвольно отстранился. Таня смутилась, убрала руку, но тут же решительно заявила:

– Нам надо встретиться и поговорить о наших путешествиях!

– Я не путешествовал, я работал, – с достоинством возразил Метелин, но от встречи отказываться не стал.

Река, Север на время заслонила Таню, приглушили тоску по ней, но не в силах были выветрить воспоминания. И чем ближе подходило завершение рейса, тем они становились настойчивее. Там, на теплоходе, Метелин не раз пытался представить себе их первое после разлуки свидание: как подойдет он к ней после уроков и с легкой развязностью морского, то бишь речного волка предложит, а не прошвырнуться ли им в кафушку или еще куда. Но Таня опередила его...

Сережа поднимался по знакомой лестнице на третий этаж, и волнение пере-

хватывало горло. Уже несколько месяцев он не был здесь.

В просторной квартире Ивановых практически ничего не изменилось. Кроме нее самой. В обтягивающем спортивном трико и в тон ему темном тонком свитерочке Таня смотрелась умопомрачительно. Линии ее фигуры были плавны и в то же время четки и стремительны. За упругой округлостью ее бедер, плеч, туго натягивающей свитерок груди ощущалась нерастраченная телесная энергия, которой уже тесно в своем сосуде. Казалось, еще миг – и из девственного девичьего кокона выпорхнет прекрасная бабочка-женщина.

...Красиво, похвалил себя сейчас за кокон и бабочку Метелин, окончательно раздумав спать. Но тогда никакие сравнения ему в голову не лезли...

Он узнавал и не узнавал Таню. И словно бы заново влюблялся в эту до срока созревшую юную женщину.

Таня усадила Сережу на знакомый ему по прежним визитам треногий пуфик возле письменного стола в своей комнате, потом исчезла и вернулась с небольшим подносом в руках, на котором стояли две фарфоровые чашки с дымящейся ароматной черной жидкостью и плетеная корзиночка с печеньем.

– Будем пить кофе, – сказала Таня, расставляя чашки. – Растворимый, из Прибалтики.

По тем временам это был страшный дефицит, и Сережа осторожно, с некоторой даже опаской отхлебнул глоток.

– Ну, рассказывай, рассказывай! – затормошила его Таня.

Но Сережа вдруг засомневался. О чем рассказывать? О величественной реке, тайге по ее берегам, незаходящем солнце за Полярным кругом он уже написал в сочинении. О рыбалке с кормы теплохода? Да интересно ли ей это? И уж тем более не про «укрощение» же швабры рассказывать...

– Это новые? – выигрывая время, кивнул он на ворох альбомных листов на столе.

– Свежие, – подтвердила Таня и положила их ему на колени.

Метелин перебирал один за другим. Кривые средневековые улочки, старинные дома, небольшая площадь с католическим собором... И вдруг – портрет, набросанный не то углем, не то мягким карандашом. На нем парень с правильными чертами лица и длинными, почти до плеч, прямыми волосами. Слегка насмешливый взгляд его показался Сереже вызывающим. А от его чуть изогнутых в полуулыбке красиво очерченных губ он

почувствовал чуть ли не физическую опасность.

– Кто это?

– А... – небрежно махнула Таня рукой. – Лицо в толпе.

Потом пошли фотографии, где сняты были то одна Таня на фоне тех же старинных домов и улочек, то вместе с матерью и Надей, то с отцом, то все вместе. А вот и опять он, тот парень с предыдущего рисунка. Сначала один, потом с Таней. На ее плече его рука. И все тот же насмешливо-вызывающий взгляд, в котором Сережа еще сильнее ощутил какую-то скрытую для себя угрозу. Таня же, прильнув к парню, лучезарно улыбается, светится.

– Опять это «лицо в толпе»... – пробормотал Метелин и еще раз спросил: – Кто он?

– Да так... – теперь уже явно смутилась Иванова и вырвала фотографию.

И Сережа понял, что вовсе не «так». И впервые ворохнулось в нем незнакомое доселе чувство. Кто-то третий, причем далекий отсюда, недостижимый, вставал между ними. А он ничего не мог поделать. По нему стала растекаться желчь жгучей обиды. И уже не то чтобы рассказывать, говорить ни о чем не хотелось. И оставаться тут – тоже. Метелин вскочил, свалив пуфик, и, бессвязно бормоча то ли извинения, то ли слова прощания, бросился к входной двери.

...Надо все-таки поесть, решил Метелин и пошел на кухню разогревать котлеты. У плиты, возвращаясь еще раз памятью к той первой в жизни своей вспышке ревности, он подумал – а ведь с тех школьных лет ни к кому он, пожалуй, в дальнейшем такой остро-ножевой ревности и не испытывал...

Минует год, и у Сережи объявится куда более серьезный объект для ревности, а пока...

Через несколько дней Таня сама пошла к нему. Догнала на пути к дому, потянул за рукав.

– Ну, чего дуешься? – сказала. – Парень тот – студент из московского архитектурного. На практику приезжал. Вместе рисовали, по Старому городу бродили. Сфотографировались вот на память...

– В обнимку...

– Ну, и что? Москвичи – они вообще ребята раскованные. – И добавила после короткой паузы: – И ты можешь обнять, если хочешь...

От этих слов у Сережи пересохло в горле. Да он только мечтает об этом! Но что-то вдруг и царапнуло его в этом «если хочешь». Она ему позволяла, но позволяла и другому, который «захотел»...

Отношения их тем не менее наладились. Но обрели уже несколько иной оттенок. В школе они лишь изредка пересекались короткими взглядами и обращались (тоже нечасто) друг к другу исключительно по фамилии. После школы возвращались домой порознь. И встречались вновь по вечерам. Встречались «повзрослому». Избегая знакомых, искали укромные местечки в большом сквере между микрорайоном и остальной частью города. Они бродили по осенним аллеям. Деревья накануне ноябрьских холодов уже почти сбросили «багрец и золото». Ноги утопали в сухой шуршащей листве. Таня останавливалась и, хохоча, подбрасывала вверх охапки палых листьев.

В один из таких моментов это и случилось... Листья опускались Метелину на голову, плечи, с легким шуршанием струились по куртке к ногам. Таня следила за ними взглядом. И вдруг он остановился на Сережином лице. Таня сделала короткий шаг и придвинулась к нему почти вплотную, так, что Сережа почувствовал на своей щеке ее дыхание. Они стояли теперь грудь в грудь, глаза в глаза. В черном сумраке Танин взгляд казался Метелину загадочно-обещающим. И эта близость резко добавила Сережиному сердцу оборотов, а самого его заставила засыпать в сладком неясном ожидании. Таня легкими касаниями ладошек смахнула с плеч Метелина листья и вдруг, обвив руками Сережину шею, потянула, пригибая, к себе. С податливостью пластилина он отозвался на движение ее рук. С высоты своего роста (а Метелин был заметно выше Тани) он, как в затычном прыжке, падал в ее лицо. Лицо-земля стремительно приближалось, увеличиваясь и проясняясь в деталях, из которых только одна, подсознательно ощутил Сережа, сейчас важна, является и целью, и конечным пунктом его падения – полуоткрытые Танины губы, приоткрывающие белую полоску ее зубов, похожую на сказочную молочную речку в темно-вишневых кисельных берегах. Впервые в жизни совершал Сережа подобный прыжок, и от страха спирало дыхание. Но в обруче влекущих к себе Таниных рук обратного пути уже не было...

От жуткого волнения Метелин мимо цели промазал и неловко шлепнулся своими губами где-то рядом с «кисельными берегами». Берега раздвинулись в улыбке, чуть сместились в сторону и уже в следующее мгновение проглотили Сережу. Оказались они вовсе не кисельными, а упругими, горячими, как и вся их хозяйка. А вкус, как и цвет, тоже имели вишневый.

И этот вишневый аромат еще не ис-

порченных косметикой Таниных губ многие годы потом преследовал Метелина.

А тот первый осенний поцелуй вывел их отношения из состояния обычной дружбы мальчика с девочкой и полудетской платонической влюбленности на уровень уже чувственного влечения. Теперь каждое свидание заканчивалось поцелуем. И в новой для него захватывающей науке овладения женскими губами Метелин с каждым разом чувствовал себя все уверенней. Тем более что и Танины губы и сама она, ведущая Сережу в их любовном танце, были прекрасным в этом смысле учебным пособием.

Ее уместость Метелина и удивляла, и настораживала. Откуда она все это знает? Где и с кем научилась? И ответ приходил сам собой: ну, конечно же, с тем студентом-москвичом – с кем же еще! И это переходившее в уверенность предположение отравляло самые мажорные и сладостные аккорды их свиданий.

...Метелин поставил на кухонный стол шкворчащую сковородку и усмехнулся при воспоминании о своих тогдашних ревнивых подозрениях. Крайне сомнительно, что студентик тот мог претендовать на роль ее учителя любви. Женщины в этом отношении вообще изначально природы более тонкие, интуитивные. А у Тани, видно, в числе других ее талантов и тут был свой природный дар...

Зима пришла рано. Уже в середине ноября навалилась снегами и морозами. Сквер задуло, замело. Места для романтических прогулок не осталось. Да и времени тоже. Впрочем, Метелин ради такого дела обязательно бы нашел. А вот Таня, как обычно, вся кипела и бурлила в гуще разных дел и занятий. За все время до Нового года они встречались раза два-три у Ивановых дома под предлогом совместных занятий. Но каждый раз им мешала Надька, которую, кожей чувствовал Сережа, его присутствие тоже чуть ли не бесило. Она мозолила им глаза и всячески пыталась уколоть, поддеть Метелина, сказать какую-нибудь гадость. Таня цыкала на нее, отгоняла, как назойливую муху, но этого хватало не надолго, и все начиналось сначала. Сережа не выдерживал и, закипая от злости, прощался. Потом и вовсе перестал к ним заходить.

А в декабре ему пришлось подтягиваться чуть ли не по всем предметам, и стало совсем не до свиданий. Виделись они теперь только в классе. Таня, правда, предлагала ему свою помощь, приглашала домой позаниматься, но одно лишь воспоминание об ехидной Надьке отбивало у него всякую охоту.

Определенные надежды Сережа возлагал на школьный новогодний вечер, но Таня с большой группой лучших учеников школ их города уехала перед Новым годом в Москву на кремлевскую елку. Метелин на вечер не пошел и до середины каникул практически не выходил из дома, маясь от скуки и тоски. Да и усилившиеся морозы к прогулкам особо не располагали.

На десятый день после отъезда Ивановой в Москву Метелин не выдержал и решил позвонить, чтобы узнать, вернулась ли она. Телефон-автомат находился в отделении связи через дорогу. В те времена квартирные телефоны на их городской окраине были большой редкостью. Семья Ивановых являлась одной из таких счастливых обладательниц. Но Метелин до сих пор не звонил Тани ни разу. Хотя номер телефона знал. Он и сейчас не сразу решился, опасаясь, что трубку возьмет кто-нибудь из родителей или, еще хуже, эта выдерга Надька, Иванова-младшая. Наконец, собрался с духом, набрал номер и после нескольких гудков услышал знакомый голос:

– Алло!

– Таня, привет!

– Привет!

– Как съездила?

– Да ничего, нормально. Приходи, расскажу.

– Может, лучше встретимся где-нибудь?

– Холодно. Нет, правда, приходи, – сказала Таня и перешла на таинственный полупшепот: – Послезавтра мама с Надькой с утра к тетке уедут, а папа в командировке. Будем тет-а-тет. Так что часиков в одиннадцать заглядывай.

Через два дня ровно в одиннадцать утра Метелин звонил в дверь к Ивановым. Таня открыла ему. Раздеваясь в прихожей, Сережа узнавал и не узнавал ее. С одной стороны, вроде бы та же самая Таня, но с другой...

Первое, что отметил Сережа, – это следы косметической ретуши на ее лице. Тронутые помадой темно-вишневые губы непривычно заалели, смуглые от природы щеки под действием крема ли, пудры побледнели, а тушь на ресницах и голубоватые тени под глазами, завершая картину, делали Таню совсем взрослой и... немного чужой. Косметикой Иванова, в отличие от многих старшеклассниц, которые иногда даже на уроки приходили накрашенными, вызывая раздражение учителей, практически не пользовалась. Разве что когда появлялась на школьных вечерах. Но сейчас-то она была у себя дома! Потому и раскраска эта бросалось в глаза.

Не меньше поразил Метелина ее сегодняшний наряд. Приходя к Ивановым, Сережа привык видеть Таню в чем-нибудь совсем домашнем – обычно в полысевших на коленях вельветовых брючках и свободном домашней вязки свитерке. Но сейчас она была в красивом кремовом платье выше колен с глубоким – сердечком – вырезом на груди. Мини еще только-только входили в моду, и женщин в таких волнующих мужской взор одеяниях в их городе встречалось мало.

Таня взяла Сережу за руку и повела за собой. Но не как всегда в свою комнату, а в зал. Одну из стен занимала мебельная «стенка» – по тем временам важный показатель достатка и престижности. Под солнечными лучами сияла, играя бликами, полировка, искрился за ее стеклами хрусталь. Целую секцию «стенки» занимали стройные шеренги собраний сочинений. Нашлось место в этом мебельном чуде второй половины двадцатого века и для телевизора с большим экраном. А у противоположной стены расположился такой же современный роскошный дорогой диван с придвинутым к нему журнальным столиком.

Метелин присел на краешек дивана возле столика. Таня осталась стоять в двух шагах от него.

Сережа наткнулся на встречный Танин взгляд. Он словно звал куда-то и в то же время спрашивал, а готов ли он, Метелин, отправиться с нею в неведомый путь. Сережа невольно опустил глаза. Появилось предчувствие, что сегодняшнее их свидание будет не таким, как всегда, и его ждет нелегкое испытание.

– Как тебе мое новое платье? – спросила Таня.

Вопрос застал Метелина врасплох. Таня не была падкой на тряпки, не имела привычки хвастать своими нарядами, тем более интересоваться производимым от них впечатлением, заранее зная, что ей все будет впору и к лицу. Метелин замялся. Таня огладила ладонями грудь, бедра, повернулась кругом, демонстрируя платье и себя в нем. Прекрасные Танины пропорции не скрадывала даже обычная школьная форма. А уж это плотно облегавшее фигуру и выделявшее каждый ее изгиб платье их особенно выгодно подчеркивало, делая девушку не просто привлекательной, а по-настоящему соблазнительной или, как будут говорить много позже, сексуальной. Ощущение усиливали высоко открытые стройные смуглые ноги с круглыми коленками.

– Я его в Москве купила. Мини. Писк моды! Но в Париже, говорят, еще короче носят. Примерно вот так... – И Таня на глазах ошарашенного Метелина потяну-

ла вверх краешек подола. – Ну, что молчишь? – зазвучали в ее голосе обиженные и требовательные нотки. – Нравлюсь?

– Ты мне хоть в чем очень-очень нравишься, – робко признался Метелин.

– Во всех ты, душенька, нарядах хороша! – засмеялась Таня, и Сережа, согласнo закивал, поднимаясь с дивана.

Он просто физически ощущал, как исходящая от Ивановой энергия, словно железку к магниту, притягивает его к ней. Пара мгновений – и железка прочно прилипла к магниту: Сережа с Таней слились в поцелуе.

Метелин с наслаждением всасывал сочные Танины губы, ощущая между зубов кончик ее языка. Он сразу почувствовал, какая огромная разница целоваться на холодном воздухе уходящего в зиму сквера и здесь, в теплой квартире, плотно прижавшись друг другу. В отсутствие пальто, шарфов, шапок, прочих стесняющих движения вещей, и ощущения были другие. Разница примерно такая же, как между холодной и разогретой пищей. Чем лучше разогрета, тем острее, насыщенней вкус.

Сережа никогда еще не был так близок к Таниному, да и вообще женскому телу. И видел-то нечто подобное лишь в фильмах «до шестнадцати», попасть на которые удавалось крайне редко. Но экранные объятия и поцелуи казались неким экзотическим атрибутом иной, нереальной жизни, которая и смотрелась как рыбки за стеклом аквариума. Теперь словно сам очутился на месте одного из киношных героев. С той, правда, огромной разницей, что все сейчас было очень даже реально и лишено «застекольной» созерцательности.

Гибкое Танино тело волнами крупной нервной дрожи накаtywало на Метелина и билось о него морским прибоем. Дрожь эта передавалась Сереже, натягивая в нем до предела каждую жилочку. Резало низ живота. Брюки в этом месте готовы были вот-вот треснуть и лопнуть, вызывая смущение их хозяина. Но Таня словно лишь того и ждала, в страстных извивах своих с особой силой упираясь именно в это место.

Наконец, едва не задохнувшись, они оторвались друг от друга. Чуть отстранившись, Таня легонько погладила его по голове, шее, плечу и соскользнула рукой вниз, пройдясь ладошкой по вздувшимся брюкам, приводя Метелина в еще большее смятение.

Метелин хотел снова поцеловать ее, но Иванова остановила его порыв, приложив ладошку к груди:

– Ну, чего мы тут торчим посреди комнаты? Давай сядем.

И плюхнулась на диван, увлекая Метелина за собой. Не разжимая объятий, Таня откинула голову на валик, завозилась, устраиваясь удобнее, и Сережа почувствовал, как тело ее перемещается под него. Он увидел до невозможности близко, но уже под собой Танино лицо с опущенными веками и полуоткрытыми нервно пульсирующими губами, лебединый изгиб шеи с маленькой родинкой над ключицей, которую раньше под одеждой не мог заметить, и рвущиеся на волю из сердечка декольте смуглые полушария. Сережа инстинктивно провел по ним рукой, потом скользнул рукой в глубину выреза, тиснул одно из них раз-другой и осторожно высвободил упругое полушарие из тесного одеяния. Острый вишневым, как Танины губы, сосок устался на него. Метелин тронул сосок пальцем и удивился его твердости. Губы сами потянулись к нему, слегка сжали, впитывая молочный с легкой солоноватостью вкус юной плоти. Таня тихонько застонала. Сережа испуганно отпрянул, но она тут же притянула его голову к груди.

Его рука между тем без всякой его «команды» сползла к Таниному бедру, прошла по нему до горячего круглого колена и, на мгновение задержавшись, двинулась в обратном направлении. Достигнув края подола, нырнула под материю платья и продолжила движение. Одновременно губы Метелина то ласкали сосок, то впились в Танины губы. Нервный прибой ее тела достиг штормовой мощи, отозвавшейся в нем не менее сильной ответной волной. И если бы тела их сейчас вдруг вошли в резонанс, то по закону физики, наверняка б, взорвались от переизбытка нерастроченной чувственной энергии.

Не встречая сопротивления, Сережина рука благополучно добралась до нижнего края Таниных трусиков. И оказалось, что колени были не самым горячим местом. Куда более сильный жар исходил отсюда – из этого таинственного, вожденного, но и одновременно пугающего перекрестья ног, прикрытого тонким слесем белого трикотажа.

Если бы Метелин до конца последовал тогда «основному» инстинкту, то, пожалуй, все свершилось бы само собой. Но Сережа заробел. В своих мечтах и снах об этом, он, конечно же, заходил дальше – в пределах, правда, его еще малоискушенного здесь воображения. А тут, когда ему фактически предложили показать себя мужчиной, он испугался.

Он никогда и не был отчаянным храбрцом. Броситься, не раздумывая, в

огонь, в ледяную воду, прыгнуть с края обрыва в порыве самоутверждения – нет, это было не для него. Ему требовалось время, чтобы решиться, себя преодолеть, перешагнуть свой страх. И часто он его так и не перешагивал. Сейчас Метелин был именно в такой ситуации «преодоления». И опять, как не раз с ним случилось, не хватило духу, чтобы перешагнуть черту. Хотя «ворота» другой стороны были уже распахнуты и нетерпеливо ждали его.

«Вдруг Танина мама с Надькой раньше времени вернутся – что тогда?» – пришло Метелину в голову, и он ухватился за это «вдруг», как за соломинку.

– Ну, чего ты остановился? – задыхливо сказала Таня, но тут же стала высвобождаться из-под него. – Подожди, только скину эту лягушачью кожу, – засмеялась она и повернулась к нему спиной: – Расстегни.

Метелин расстегнул молнию на платье.

– Дальше! – нетерпеливо скомандовала Таня.

Непослушными пальцами он кое-как справился с застежкой лифчика. Таня ловко выскользнула из платья, переступила через него, и Сережа даже зажмурился, увидев ее смуглую наготу, едва прикрытую белым трикотажем коротких трусиков.

– А ты чего?

Сережа нервно задергал пуговицу на своей рубашке, пытаясь расстегнуть ее. Наконец, дернул так, что вырвал с мясом, и она покатилась, подскакивая по полу.

– Так ты совсем без пуговиц останешься, – сказала Таня и, подойдя вплотную, сама взялась расстегивать рубашку.

Она освобождала из петель пуговку за пуговкой, а Сережа ошеломленно стоял, обжигаясь жаром ее нагого тела. Расправившись с пуговицами, Таня, чуть навалившись на Метелина, начала стаскивать с него рубашку. Ее твердые соски раскаленными стрелами воткнулись в голую Сережину грудь (Метелин с детства не носил маек), и он чуть не потерял сознание.

Освободив Метелина от рубашки, Таня потянула на себя ремень его брюк и жарко зашептала, как в каком-нибудь запретном фильме «до шестнадцати»:

– Ну, что же ты, ну, возьми же меня!..

– А разве можно?.. пролепетал Сережа, не зная, как лучше выразить свои боязнь и сомнение. Но Таня поняла, и тут же попыталась их развеять.

– Ты ведь меня любишь, правда?

– Правда, согласился Сережа, хотя раньше он ей ничего такого не говорил.

– А если любишь, то можно! – решительно подвела черту Таня.

И тут совсем некстати из глубины зату-

маненного сознания выплыл парень-москвич с фотографии, уверенно по-хозяйски обнимавший Таню. Этот бы не оробел... А может, у них все это уже и было? И он говорил ей слова о любви, а они как пропуск – значит, можно... Пришедшая мысль обожгла так, что разом остудила жар Таниного тела и еще больше застопорила его самого.

Окончательно Метелин сломался, когда затрещив телефон. Таня на звонок не отреагировала.

– Телефон, – прошептал Сережа.

– Ну его! – с силой вжимаясь в Метелина, почти со стоном откликнулась Таня.

Телефон продолжал настырно трезвонить.

– Подойди! – чуть ли не с мольбой в голосе попросил Сережа и сделал попытку отстраниться.

Таня не пускала.

– Телефон, телефон... – бормотал он.

Иванова со вздохом отстранилась и пошла к телефону.

– Междугородка, папу спрашивают, – коротко объяснила она, вернувшись.

Пока она ходила, Сережа успел застегнуться и торопливо заправил рубашку в брюки, уводя взгляд от Тани.

Покусывая губы, она подобрала с пола платье и пошла в другую комнату. В дверях обернулась и словно камнем в него бросила:

– Эх, ты!

Провожать его Иванова не вышла. Сережа в тоскливом одиночестве потоптался в прихожей, крикнул в глубину квартиры «Таня, до свидания!» и, не услышав ответа, захлопнул за собой дверь.

...Метелин вяло пережевывал котлету. Воспоминание о первом неудачном сексуальном опыте отбивало аппетит. Мало того что опозорился, но с того злополучного дня и отношения их, как сломанная ветка, стали засыхать. А ведь решился он на большее, как ждала от него в тот зимний день Иванова, тогда, возможно, и вся дальнейшая его жизнь пошла бы по-другому. С Таней. Но именно тогда он ее, наверное, и потерял. Метелин отодвинул сковороду. Есть совершенно расхотелось. Он вернулся на диван, закрыл глаза, пытаясь все-таки заснуть, но расстроенная память не давала погрузиться в благодатную дрему...

Сережа страшно переживал случившееся, ругал себя последними словами, пытался представить себе, как все могло бы закончиться, если б... Но правильно говорят: после драки кулаками не машут. А в драку он даже не ввязался – отступил, не начав.

Встречаться они перестали. В школе Иванова всячески избегала Метелина, а если разминуться не удавалось, демонстративно не замечала, смотрела мимо, «насквозь», на его взгляды никак не реагировала. На Сереежину «здравствуй» коротко и безразлично кивала.

Каждый день, приходя в школу, Метелин давал себе зарок обязательно поговорить с Таней, объясниться, и каждый раз жгучий стыд позора останавливал его. А когда он все-таки, пересилив себя, решился и, догнав ее по дороге домой, тронул за плечо, Таня дернулась, как от удара током, резко развернулась, и Сереежа увидел в ее глазах уже знакомое ему «эх, ты!». Были в нем и презрение, и обида, и глубокое разочарование. Будто взялся он познакомиться с чем-то таким, чего она до сих пор не знала, но обманул, и в самый последний момент это незнаемое оказалось просто миражом. Сереежа вдруг остро ощутил, что Тане он больше не интересен, а значит, и не нужен. И как в незримую стену, вставшую на их пути, он уперся. А Иванова, не проронив ни слова, продолжила свой путь.

Это «эх, ты!» обжигало Сереежу всякий раз, когда он вольно или невольно наткнулся на ее взгляд, и долго в дальнейшем, уже и после окончания школы, преследовало Метелина, рождая нечто вроде комплекса неполноценности по отношению к «прекрасному полу». Кто-то другой на его месте, наверное, проявил бы настойчивость, еще и еще раз пытался бы восстановить отношения, но Сереежа Метелин не умел ни настаивать на своем, ни уговаривать. Получая от ворот поворот, он, как правило, новых заходов не делал. В жизни, особенно производственной, это ему, безусловно, сильно мешало, но искоренить в себе до конца сей грех Метелин так и не смог.

До конца учебного года Иванова с Метелиным прожили, никак не пересекаясь и не соприкасаясь. Иванова была по-прежнему деятельной, разносторонней, блистающей всюду, чем бы ни занималась, восхитительно прекрасной в своей жгучей южно-славянской красоте. Но все это существовало отныне совершенно отдельно от Метелина, который мог теперь лишь наблюдать за утраченной любовью со стороны и на расстоянии, мучаясь тупой болью непроходящей тоски.

Лето он снова провел на реке. И уже чувствовал себя на ней как рыба в воде. В школу возвращался с сожалением.

Появление Метелина Иванова встретила равнодушно. Сам он тоже не очень то взволновался, ее увидев. Во всяком случае, не заколотилось отчаянно сердце, не перехватило дыхание, не приплы-

нула радостная волна. Молча кивнули друг другу и разошлись по своим местам.

Дальше потекло обычным заведенным школьным порядком. Метелин все больше привыкал, что Иванова хоть и тут, рядом, но в то же время в другом, как бы параллельном мире, для него недосягаемом. Да и учеба отвлекала. Класс выпускной. Настала пора задуматься о будущем.

С архитектурой, строительством городов Сереежа его больше не связывал. Впервые, что за архитектор, неумеющий рисовать? А Метелин еще тогда, когда первый раз увидел эскизы Ивановой, понял, что не умеет. К тому же слишком живо занятие это связывалось с Ивановой, вызывало ее образ. Да и две навигации не прошли для Сереежи даром. Без речных просторов он себе дальнейшую жизнь уже не представлял. Поэтому заранее нацелился в водный институт.

А пока надо было окончить нормально школу, сдать выпускные экзамены, получить приличный аттестат, а там и вступительные... Но поскольку он – не Иванова, которой все дается легко, играючи, значит, придется хорошо попотеть. Был еще один, подсознательный мотив учебного рвения Метелина. Хотелось хоть этим удивить Иванову, доказать ей, что он тоже кое на что способен, и снова заслужить ее внимание.

И Сереежа действительно здорово подтянулся в учебе. Но обратили на это внимание только классная руководительница, которая теперь ставила его в пример остальным, не успевшим или не желавшим взяться за ум, да родители, которые, конечно, нарадоваться не могли случившейся метаморфозе. На Иванову же учебные успехи Метелина не произвели ровно никакого впечатления. А когда после февральских метелей запахло весной, ей и вовсе стало не до этого. У нее появился новый объект внимания...

...Отчаявшись заснуть, Метелин спустил ноги с дивана, откинулся на его спинку и попытался вспомнить его...

Светловолосый, чуть выше среднего роста, не сказать, чтобы широкоплечий и атлетического сложения, но с какой-то кошачьей гибкостью и грацией, со слегка пританцовывающей походкой разбитной парень этот появился вдруг в самый разгар их школьного вечера, приуроченного к 8 марта. Бдительный физкультурник и неизменная его помощница гардеробщица посторонних решительно не пускали, но он вот прошел. И чувствовал себя здесь своим в доску. Взгляд его серых нагловатых глаз бесцеремонно обшаривал кучкующихся у стен старшекласников, лавиро-

вал между танцующими парами. Иногда парень здоровался, не подавая руки, со знакомыми ребятами. В адрес девчонок отпускал замечания и шуточки, от которых у тех загорались щеки и уши. Он напомнил Метелину прогуливающегося в африканской саванне возле стада антилоп леопарда, который присматривает себе жертву. Как в телепрограмме «В мире животных». Сережа невольно позавидовал раскованности парня и его магнетирующей звериной грации.

На Метелина парень не обратил никакого внимания, тем не менее Сережа внутренне напрягся в ожидании неведомой пока ему опасности. Ждать долго не пришлось. Парень выцелил взглядом Иванову, оживленно болтавшую с Валей Осиповой, и, сразу весь подобрившись, как представитель семейства кошачьих перед прыжком, мягко переступая, направился к девушкам. Подойдя, наклонился к Таниному уху и стал что-то ей говорить.

Метелин подался весь вперед, пытаясь уловить слова разговора, но Иванова стояла у противоположной стены зала, и в общем гуле ничего было не разобрать. «Леопард» находился в полуоборота к Метелину и, плотноядно, как Сереже казалось, улыбаясь, что-то говорил и говорил Тане, пожирая ее взглядом. Вот-вот он прыгнет и вонзит в жертву свои когти и клыки! Брось сейчас Таня на Метелина взгляд мольбы о помощи, он, наверное, бросился бы спасти ее от «леопарда». Но Иванова совсем не походила на «жертву», которой грозило оказаться в лапах хищника. Она с явным интересом слушала «леопарда». Улыбка не сходила с ее лица. Ее веселый взгляд рассеянно блуждал по залу, но ни на миг не задержался на Метелине.

Перерыв между танцами кончился, зазвучал еще один любимый Сережин танец – «Маленький цветок». «Леопард» галантно склонил перед Ивановой голову. Она ответно кивнула, взяла его под руку и прошествовала с ним на середину зала. Зал быстро заполнился танцующими, но Метелин видел только их двоих. Танины руки вольно лежали на плечах «леопарда», а он то слегка отпускал Иванову, то притягивал к себе, то легкими движениями рук скользил по ее спине к бедрам. Как кошка с мышкой – пришло в голову Метелину. Но тут же вынужден был признать, что и в танце «леопард» хорош: красив и грациозен. И вспомнил себя на его месте. Как неловко и неуклюже топтался возле Тани, не зная куда деть и что делать со своими конечностями. Было это ровно два года назад, здесь же, на таком же восьмимартовском вечере. Какое удивительное совпадение!

Но кто он и откуда взялся этот самоуверенный нахальный «леопард»?

«Ты что – не знаешь Славку Артюхина?» – удивился его вопросу стоявший рядом Сережин одноклассник, из школьных старожилов, учившихся здесь с первого класса.

Метелин не очень-то интересовался жизнью школы и перипетиями уличного бытия этого микрорайона. И там, и там он был на отшибе, один. Компаний ни с кем не водил, с местным хулиганьем и шпаной не знался. Потому и про никакого Артюхина не слышал, хотя и тянулся за ним шлейф сомнительной славы...

Славка Артюхин был года на четыре старше ребят Метелинского выпуска. Он тоже когда-то учился здесь и был грозой школы и кошмаром учителей. Десятый класс Славка не успел окончить. Накануне последнего звонка его арестовали прямо в школе – совершил с поделниками разбойное нападение. Как несовершеннолетний к моменту преступления Славка и срок получил то ли минимальный, то ли вообще условный. Теперь вот надумал навестить родное учебное заведение.

Весь вечер Артюхин не отходил от Ивановой. Это не осталось незамеченным. Девчонки, косясь на них, шушукались, парни многозначительно переглядывались. Такое внимание только тешило Славкино самодовольство. А Таня, казалось, и не замечала ничего вокруг, устремленная только к Артюхову, ловя каждое его слово, жест.

Зато Метелин жестоко страдал. Страдать, когда рядом с Ивановой никого не наблюдалось, было куда легче и спокойней. Во всяком случае, оставалась надежда, что его пока просто отодвинули в тень до лучших времен, и все еще перемелется. Но теперь...

Не дожидаясь конца вечера, Артюхин с Ивановой пошли на выход. Метелин в полном смятении смотрел им вслед, не зная, как же ему быть. А потом бросился за ними.

В вестибюле у раздевалки их уже не было. Метелин торопливо оделся, выскок на улицу. Парочка маячила в полусотне метров от школы по дороге к дому Ивановой. Таня держала «леопарда» под руку, тесно прижавшись к нему. Неужели она уходит навсегда? Мысль эта подхлестнула Сережу, сбросила с крыльца и погнала наперекор обычной нерешительности вслед удаляющейся парочке. Безрассудность отчаяния несла его сейчас на превосходящего по всем статьям «леопарда». Так, наверное, не добившись ничего другими способами, бросаются на амбразуру.

Догнав их, Сережа дернул Артюхина за

рукав. Тот резко повернулся и удивленно воззрился на Метелина:

– Те чё надо, пацан? Закурить, что ли?

– Ты это... – задыхаясь от бега и возбуждения, сказал Сережа, – уйди... Не трогай ее... Она не твоя...

– Кто это? – удивленно повернулся Артюхин к Тане, молча наблюдавшей за происходящим.

– Так... – равнодушно ответила она.

– Понятно, – сказал «леопард» и коротко, без замаха ткнул кулаком Метелину под дых.

Небо поменялось у Сережи местами с землей, сознание отключилось, а когда он пришел в себя, рядом никого уже не было. Он с трудом поднялся. Голова кружилась, его мутило. Зато теперь не оставалось сомнений, что ударом этим в их отношениях с Ивановой поставлена окончательная точка.

Славка, кстати, оказался нормальным пацаном. Некоторое время спустя сам подошел к Метелину.

– Извини, – сказал, – что так получилось. Не знал, что ты с нею до меня был. А со мной она сама пошла. Силой не тянул. Но третий, сам знаешь...

Неожиданное благородство Артюхина Сережу растрогало, и он больше и не держал на Славку зла.

Метелин не раз замечал их, гулявших в обнимку на тех же парковых аллеях, где когда-то сам бродил с нею. Видеть это Сереже не доставляло радости, но он смирился. Третий должен уйти...

Говорили, что Славка собрался экстерном сдавать экзамены на аттестат зрелости, а Иванову ему в этом взялась помогать. И наверное, не только она. Артюхин подходил после уроков к учителям, что-то спрашивал, ему что-то объясняли, писали на доске формулы... А сердечная Танина подруга Валя Осипова, с которой у Метелина с первых же дней знакомства сложились доверительные отношения, по секрету сообщила ему, что у Ивановой с Артюхиным бурный роман, что Танька совсем потеряла голову с этим бандюганом, и все идет к тому, что он ее окольцует.

Метелин и сам видел, как преобразилась Таня. Глаза ее сияли. Счастливый румянец алел на смуглых щеках. Она не двигалась – парила. В выражении ее лица, да и во всей фигуре тоже, появилось нечто, свидетельствующее о постижении ею какого-то нового состояния. Метелин догадывался – какого...

И получил однажды косвенное тому подтверждение. Закончился урок. Народ рванул к выходу. Метелин чуть задержался, а когда стал выбираться из-за своей парты, почувствовал толчок в спину и ко-

роткое «ой». Обернувшись, увидел Иванову. Она сидела на корточках рядом с упавшим пластиковым пакетом (тогда они еще только входили в обиход, и из всей школы только Иванова использовала его вместо портфеля), из которого вывалилось содержимое. Метелин извинился за свою неловкость и присел рядом, чтобы помочь собрать книжки и тетрадки. Глаза их встретились. Давно уже Сережа не видел так близко ее лица. Тем более такого счастливого. И опять тяжело ворохнулась обида.

– Цветешь и пахнешь?

– А то! – с уничтожающей дерзостью парировала Таня.

– Чем же он лучше меня? – вырвалось у Метелина против воли (он вовсе не собирался выяснять сейчас отношения), но именно это он все время и хотел все время после их разрыва спросить.

– А он не размазня!

Подхватив пакет, Иванова рывком поднялась и умчалась, а у Метелина в голове помутилось почти как от Славкиного удара тем памятным вечером.

Выпускные экзамены Артюхин сдавал вместе с ними. Таня все время была рядом. Она повторяла с ним билеты, что-то советовала, а то и успокаивала нервничавшего Славку, глядя по плечу. Потом ждала, когда он выйдет с экзамена. Она жутко переживала за своего «леопарда», и Метелин ему так же жутко завидовал.

На выпускном вечере Иванова появилась в умопомрачительном нежнейше розовом платье, со струящимися по плечам смоляными локонами. Она снова показала Метелину сказочной принцессой и разом затмила всех выпускниц. Пришла Таня вместе с Артюхиным. Подтянутый и элегантный, в новом, ладно сидящем на нем костюме, он хорошо смотрелся рядом с ней. И весь вечер не отпускал ее от себя ни за столом, где пили шампанское и легкое полусухое вино, ни когда пошли танцы.

Метелин тоскливо подпирал стену, исподлобья наблюдая за ними, и думал, что завтра начнется уже другая жизнь, в которой, может быть, и не доведется ему с Ивановой встретиться никогда...

Так, в общем-то, и получилось. Жизнь действительно пошла иная, с новыми заботами и проблемами. Сережа поступил в водный институт на факультет портовых и гидротехнических сооружений. С однокурсниками он практически не общался. Видел однажды Иванову в центре города возле строительного института с большим подрамником под мышкой. А осенью, уже на втором курсе, повстречал Осипову. Она долго рассказывала, кто где

и чем занимается. Не забыла, конечно, и подружку свою Иванову.

Со Славкой они поженились. Танины родители и раньше-то от их связи были не в восторге, а теперь и вовсе. Но с упрямой дочерью совладать не смогли. Молодые чуть ли не тайком расписались и ушли жить к Славкиной матери. Таня поступила на архитектурный факультет. Славка перебивался разными шашбашками, потому что на постоянную работу из-за его бурного прошлого никуда не брали. (Армия, впрочем, по той же причине ему также не грозила.) Вряд ли ему где-то хорошо платили, но тем не менее деньги у него водились, и Славка время от времени водил молодую жену в рестораны.

В этом месте своего рассказа Осипова восторженно округлила глаза – вот, мол, как надо относиться к возлюбленной, и Метелин невольно потупился, словно виноват был, что сам до такой простой вещи не додумался.

В институте, не в пример школе, Сергей учился с желанием. Отличником не был, но и «хвостов» не имел. «Основательным станет инженером», – отозвался о нем один из преподавателей. Не чурался Метелин и обычной студенческой жизни. Мог посидеть с однокурсниками, выпить при случае, пивка попить. Но все-таки слова известной песни «от сессии до сессии живут студенты весело» были не про него. Не заносило его, как некоторых, не срывало с тормозов, не разбивало на порогах соблазнов. Вряд ли его можно было назвать очень расчетливым, прагматичным. Но здоровая доброкачественная рациональность в нем присутствовала как корабельный балласт, придающий судну необходимую остойчивость.

Семестры, сессии, производственные практики... Студенческие годы летели быстро. Распределили Метелина в Якутию, на строительство самой северной и уникальной в стране гидроэлектростанции...

...Метелин встал с дивана, прошел к окну. За окном буйствовала тополиная метель, а ему виделось, как из клубящегося, словно пар в кипящей кастрюле, морозного утреннего тумана вырастает огромная железобетонная плотина. Уходящая в незримую глубину под углом стена водослива делала ее похожей на укутанную облаками гору. Когда же к обеду туман рассеивался, она начинала смахивать на египетскую пирамиду, зажатую в тисках холодных северных сопков...

Сергею здесь нравилось. Стройка была в самом разгаре. Сюда съехались молодые ребята со всей страны. И это со-

здавало особую дерзновенную, азартную, романтическую атмосферу. Не оставляло прекрасное и возвышающее ощущение непосредственной причастности к большому делу. Что помогало переносить тяготы нескончаемой работы, которая оставляла мало времени для отдыха. Впрочем, в здешних величественной красоты северной природы местах его вполне хватало для того, чтобы зарядиться свежими силами, бодростью и энергией. Метелин пристрастился к рыбалке. Поэтому даже в отпуске не спешил на материк. За все время работы на стройке он только один раз и появился в родном городе.

Подремывая в самолетном кресле, Сергей предвкушал скорую встречу с родными. Он вез кучу разных подарков вплоть до расшитых бисером оленьих торбасов и дефицитной дубленки для матери. А что – зарабатывал он с северными надбавками хорошо, мог себе позволить! И неожиданно пришла мысль: а ведь он сейчас, пожалуй, мог бы не хуже Славки, по крайней мере, повести Иванову в лучшие рестораны...

А дома узнал – Ивановой в городе нет. С Артюхиным она успела развестись, вышла замуж за какого-то питерского архитектора, с которым познакомилась еще во время преддипломной практики, и теперь живет и работает в Ленинграде.

Информация об этом Метелин получил, можно сказать, из первых рук – от самого Артюхина. Они столкнулись с ним прямо посреди шумной улицы. Славка обрадовался Сергею как родному, сходу предложил попить пивка, и Метелин не отказался. Они расположились в укромном уголке одной из летних кафешек и, потягивая прохладное пиво, проговорили до вечера.

Говорил, изливая душу, в основном Славка. Самолюбивый Артюхин был, конечно, страшно горд, что сумел покорить такую красавицу, умницу и многих талантов девушку, как Иванова. Пришел, увидел, победил... Утер нос всем ее малохольным одноклассникам. Но если кто и покорил кого, то скорее – Таня его. Она отдалась ему без всяких взамен обещаний. Но и без них Славка сразу же понял, что пропал, ухнул с головой в бездонный любовный омут, что теперь он готов пойти куда угодно и сделать что угодно, шевельни только Таня пальцем. Ничего подобного Славка, никогда не страдавший недостатком внимания со стороны противоположного пола, доселе не испытывал. Он и замуж ее уговорил, чтобы обратной дороги не было, чтобы на законных основаниях она принадлежала ему одному.

Только вот плохо он знал Иванову.

Сергей, расставаясь с ней, успел понять, что принадлежать кому-то Таня может, пока видит в нем что-то новое для себя, необычное. Она и за Артюхина пошла, потому что это было вопреки родительской воле и не походило на обычное бракосочетание с фатой, дурацкой куклой на капоте свадебного автомобиля, многлюдным застольем с пьяными возгласами: «Горько!» До Славки это дойдет слишком поздно.

А тогда он был ослеплен и оглушен молнией любовного удара. Под его впечатлением и находился в начале их супружеской жизни. Славка по мере своих возможностей старался сделать ее нескучной. А поскольку его понимание «нескучной жизни» было ограничено в основном киношкой и выпивкой, то и предложения были соответствующие: фильм на вечернем сеансе и, если появлялись деньги, ресторан.

Таня пыталась вовлечь его в круг своих интересов – музеи, выставки, театры, концерты, студенческие тусовки, но Артюхин там откровенно скучал, и Тане стал скучен он сам.

– Тебя вспоминала, – рассказывал Славка.

– Меня? – встрепенулся Сергей и удивился: – Зачем?

– В пример ставила. Говорила, что вот Метелину нравилось вместе с нею по всем этим интеллигентским завлекаловкам шагать.

Метелин промолчал, но на душе потеплело от того, что Таня хоть как-то его помнит. А Славка продолжал свою нерадостную исповедь...

Учеба, разнообразная и увлекательная жизнь архитектурного факультета, где Иванова опять-таки была не последней фигурой, еще резче оттеняла скудость их супружества. И то, и это сосуществовали как некие «параллельные миры». И в мире институтом Таня задерживалась все чаще, вызывая бессильную ярость у Славки. Сам же он учиться дальше категорически отказался, как ни настаивала Таня. Школьный аттестат был для него пределом, которого он и достиг только благодаря случившемуся с ним «любовному удару».

Приличной работы ему при отсутствии профессии и наличии уголовного пятна в биографии тоже не находилось. А на вагонах с углем и прочем «бери больше – кидай дальше» сильно не разживешься.

– На какие же шиши по ресторанам водил? – спросил Метелин.

– Да... – замаялся Артюхин. – Находились источники...

Сергей догадался, о каких источниках речь, и не стал уточнять.

Трещина, разлада между тем росла. Все чаще возникали беспричинные на первый взгляд ссоры, которые Таня обычно и начинала, раздраженная каким-нибудь пустяком, например оставленной Славкой на краю пепельницы дымящейся сигаретой. На какое-то время их мирило супружеское ложе, но и оно чем дальше, тем помогало меньше.

Не добавляли прочности их семейным узам и родственники. Родители Ивановой Артюхина зятем своим категорически не признавали и вообще их супружескую связь демонстративно игнорировали. Славкина мать, в свою очередь, к невестке относилась настороженно, интуитивно ощущая, что сыну она «не по Сеньке шапка». Да и Таня, выросшая в другой среде и атмосфере, тяготилась простоватой полуграмотной свекровью, всю жизнь проработавшей на швейной фабрике.

Но, как бы там ни было, большую часть Таниного студенчества они со Славкой просуществовали совместно.

А потом была преддипломная практика, которую везучей Ивановой довелось проходить в одном из ленинградских проектных институтов, занимающихся архитектурными проблемами.

Когда она вернулась домой, Артюхин неприятно поразился произошедшей в ней перемене. Она светилась каким-то только ей ведомым счастьем. И свет этот электросварочной дугой полосовал Славкино сердце, исходящее ревностью и зловещим предчувствием. Хорошо «приняв на грудь» (а поддавать с тоски он в последнее время стал все чаще), Артюхин устроил жене «разбор полетов». Впрочем, ходить вокруг да около не стал, а сказал прямо в лоб – что, хахаля завела? И в сердцах грязно выругался. И если бы Таня начала оправдываться, убеждать, что он ошибается, и тому подобное, все, пожалуй, на том бы и закончилось. Но она не проронила ни слова, только вскинула горделиво голову и прожгла Славку взглядом, в котором презрение мешалось с брезгливостью. И он сорвался – впервые за их супружескую жизнь поднял на Таню руку. Он ударил ее. Она отлетела к стене и стала спускаться по ней на пол. Он мгновенно протрезвел, испугавшись, бросился к ней, поднял на ноги, стал взахлеб молить о прощении, заглядывая ей в глаза. И увидел в них ненависть.

Таня тут же собралась и ушла из квартиры Артюхиных. К Славке она больше не вернулась. Домой тоже не пошла. Кантовалась то у верной Осиповой, то у подруг в общежитии. Славка встречал ее в институте, пытался уговорить. Все было тщетно. Таня подала на развод, и в поло-

женный срок их развели. В мае Иванова прекрасно защитила диплом и, получив (вероятно, не без помощи своего нового избранника) направление в Ленинград, распрощалась с родным городом.

— Я вот только одного не пойму: ну что ей вообще было надо? — горестно подперев свою голову, спрашивал Метелин Артюхин. — Ведь она не жадная, на деньгах, вещах, тряпках не помешана. Тут у нас никаких проблем не возникало, даже если я и на мели сидел. Как мужик я вроде тоже ничего — и до нее никто не жаловался, и она сама подтверждала... Рылом, что ли, не вышел? Так объясни мне, какое рыло ей надо было, коли ни я, серое, ни ты, светлое — ни ты, ни я — ее не устроили?

Метелин только пожал плечами в ответ, но про себя вдруг подумал, что предложит Славка ей своей поделницей стать да вместе на «гоп-стоп» ходить, то, поразив ее тем самым еще раз, наверное, и реабилитировался бы. Правда, надолго ли? И получается: не размазня — а результат тот же...

С той встречи Метелин Артюхина больше никогда не видел. Одни говорили, что спился, сошел с круга, другие утверждали — снова сел и надолго. Верить можно было и тем, и другим.

А Метелин, утолив жажду северной романтики и отработав (даже с лихвой) положенные после института годы, вернулся в свой город. Насовсем. К тому времени и остроты ощущений поубавилось, и стройка, пройдя свой пик, начала понемногу затихать. Но была еще причина, по которой пришлось расстаться с Севером.

Там, на Севере, Метелин женился. Случилось это как-то тихо, незаметно. Познакомилась она с будущей супругой «в рабочем порядке» — трудилась на одном участке. И жили в одном общежитии. Домой со смены частенько вместе возвращались. На общей кухне каждый со своим чайником или кастрюлькой сталкивались, словцом перекидывались. Потом стали ходить вместе в клуб в кино, на концерты заезжих артистов. Все больше сближались и привязывались друг к другу. Валентине было далеко до харизматической яркости Ивановой. В сравнении с нею смотрелась она этаким серенькой мышкой. Но в душе ее горел ровный спокойный свет, и от этого Метелину было с ней легко и просто.

В тот единственный северный отпуск, проведенный в родном городе, Сергей уже через неделю остро ощутил, как не хватает ему Валентины, и едва дождался его окончания. Вернувшись, он сразу же

отправился к ней. По пути, как всегда, колебался, решимость начала стремительно убывать, а когда перешагнул порог ее комнаты, и вовсе приблизилась к нулю, но он, все-таки себя пересилив, сказал: «Валя, давай вместе...» Сказал чуть ли не шепотом, невразумительно, но она услышала, поняла и лишь молча согласилась кивнула в ответ.

Свадьбы у них фактически не было. Съездили в райцентр, расписались, потом в столовой общежития узким кругом друзей и подруг это дело отметили. Администрация стройки выделила им комнату в только что отстроенном доме. Потом родилась дочь...

...Метелин с улыбкой вспомнил, как бережно, боясь зацепиться за какой-нибудь угол или косяк, вносил он свернутое в конвертик одеяло, из которого выглядывало розовое личико малышки. Малышка давно выросла, стала взрослой, живет теперь своей семьей отдельно от них, и у нее есть уже собственное продолжение...

Именно дочь стала главной причиной их расставания с Севером. Болезненной слабенькой девочке здесь был явно не климат. Чтобы сберечь ребенка, они вернулись на материк. Там, в родном городе Метелины купили приличную по тем временам кооперативную квартиру. Северных денег хватило и на обстановку, и на поездку с ребенком к теплому морю с отдыхом и лечением на прекрасном детском курорте. И это была едва ли не самая счастливая в семейной жизни Метелина пора.

А потом Сергей устроился в проектный институт по своему профилю, и началась обычная рабочая рутина с проектами, командировками, отчетами, производственными совещаниями и прочей текучкой, которая не только давала средства к существованию, но и позволяла чувствовать себя полноценным гражданином общества. Валентина тоже работала, хотя главные заботы о семье и дочери были на ней. В общем, жили они как большинство обычных нормальных советских семей накануне черной полосы разных там перестроечных процессов, о которых пока даже не подозревали.

Об Ивановой Метелин почти не вспоминал. Лишь иногда на краешке сознания промелькивал смутно ее образ, но тут же и гас. Информация о ней тоже была скудной. Сам он ее в городе никогда не видел, тем более что жил теперь совсем в другом районе. Но Осипова говорила, что Таня иногда навещает мать и сестру (отец у них умер). От нее же Сергей узнавал при их тогда редких встречах и новые

факты существования Ивановой. Самым значительным был тот, что со своим вторым мужем-архитектором она через ряд лет совместного существования тоже расталась.

Тут-то почему? – сам себя спрашивал Метелин. – Одно дело, одни интересы. И мужчина, по утверждению Осиповой, бывавшей у них в гостях, замечательный: интеллигент, умница, эрудит, прекрасный специалист, плюс масса других положительных качеств. Не без его помощи и поддержки Таня сумела немалого достичь. Снова скучно стало?..

Метелину скучать особо было некогда. Семья росла (за дочерью появился сын), забот прибавлялось. Зарплаты не хватало, хотя и дорос он до ГИПа (главного инженера проектов). Но это был, он знал, его потолок. А тут в последнее десятилетие уходящего века пошел в стране жуткий раздрай, напоминавший Метелину ледоход со страшным треском и грохотом взламывающегося льда. Вокруг, говоря словами поэта, «все было мрак и вихорь». Терялись ориентиры и перспективы. Прежняя жизнь стремительно разваливалась, а взамен ничего путного не вырисовывалось. Ставший вдруг ненужным государству, которое теперь уже ничего не строило, развалился и их ГИПРО, разлетелся на осколки фирмочек. В одну из них ударной волной разрушительного процесса занесло и Метелина. Дела здесь (особенно поначалу) складывались тяжело и трудно, с заказами был большой напряг, да и за уже сделанное клиенты расплачиваться или не спешили, или пускали в ход разные бартерные схемы. Ну, в общем, как и почти везде и всюду в то время. И Метелину еще повезло: многих других его сослуживцев просто смело, выдуло, словно пыль, на улицы.

В последний раз об Ивановой Метелин услышал лет за десять до сегодняшней встречи в аэропорту. Его пригласили на юбилей школы. Сергей Васильевич пошел. Одноклассников собралось мало. Кто болел, кого не было в городе, а кто и в мир иной ушел. Да и присутствующие выглядели не лучшим образом, потрепанная жизнью и придавленные грузом проблем. Стали рассказывать, кто где и как выживает в нынешнем хаосе и бедламе. И особо похвастаться никому было нечем. И тогда кто-то из ребят сказал:

– Только Ивановой и подфартило.

– А почему Ивановой? – удивился Метелин.

– Как, ты не знаешь? Она же замуж за американского миллионера вышла и в Штаты укатила. Говорят, своя фирма у них там.

– А ничего другого от Ивановой и ожидать нельзя было, – завистливо вздохнула одна из одноклассниц.

«Ну, вот, – подумал тогда Метелин, – и нашла себе Таня то, что искала...»

С тех пор ничего больше Метелин об Ивановой не слышал.

И вот эта неожиданная встреча: живая Иванова, собственной персоной...

Часть II

Надо позвонить Валентине, – спохватился Метелин. Обычно он оповещал жену о своем приезде прямо из аэропорта, а тут... Метелин начал набирать ее номер, но на полпути остановился, извлек из нагрудного кармана визитку. Тонкий запах дорогих духов защекотал ноздри. Метелин смятенно вглядывался в ряд телефонных цифр, не зная, что же предпринять. Все-таки позвонил по заведенной привычке супруге.

– Я со вчерашнего дня в отпуске, – сказала она.

– Тогда почему не дома? – удивился он.

– А тут горящая путевка в санаторий образовалась – один из наших отказался. Путевка льготная, всего за тридцать процентов. Вот я и решила в кои веки организованно отдохнуть. Так что три недельки тебе придется поскучать, дорогой. Котлет я тебе на пару деньков нажарила, продукты в холодильнике есть. В общем, хозяйничай. Прости, что заранее не смогла предупредить. Так получилось – сама не ожидала...

Поговорив с женой, Метелин долго ходил по квартире, продолжая размышлять, звонить или нет Ивановой. С одной стороны, интересно, конечно, встретиться с первой своей любовью, рассмотреть поближе, узнать, как она живет, а с другой... Столько воды утекло! Считаю, целая жизнь прошла. Стоит ли возвращаться в прошлое?

...Метелину осталось набрать последние цифры, как вдруг пришло в голову, что он совершенно не помнит ее отчества и вообще не знает, как к ней, этой чужой заграничной даме, обращаться. Может быть, миссис Иванова, или как там у них, в америках полагаются? Но пальцы его автоматически завершили набор, и из трубки раздалось грудное сочное:

– Алло!

– Это Метелин, – севшим от накатившего волнения голосом отозвался он.

– Сережа! – обрадовались на другом конце. – Как у тебя со временем? Мне сейчас в одно место надо сбегать, а часика в три мы могли бы вместе пообедать.

– А где?

– Один мой институтский товарищ держит ресторанчик с красивым названием «Лазурит». Это рядом с кинотеатром «Современник».

– Понял.

– Тогда в три. Жду.

Ровно в три Метелин спускался в полуподвально помещение ресторанчика. И в работе, и в отношениях он всегда был точен, аккуратен, исполнительен. К его удивлению, Иванова была уже здесь. Она сидела за столиком в глубине небольшого зала между декоративным деревом в кадке и расписанной причудливыми узорами стеной, и это было, пожалуй, самое здесь уютное и удобное для интимных бесед место. Иванова тоже заметила Метелина и призывно помахала рукой.

Пересекая зал, Метелин лихорадочно соображал, как он должен сейчас себя повести: пожать по-товарищески руку или галантно поцеловать ее? А может, просто сказать – привет? Но Иванову, похоже, вопросы этикета совершенно не волновали. Она порывисто поднялась навстречу Метелину и бросилась ему на шею. И он вновь ощутил на себе знакомый с детства горчичный жар ее тела.

– Ой, какой ты стал, – приговаривала она, осыпая его поцелуями, – красивый, представительный, сексуальный – вау! Вон в какого красавца-лебедя вырос! Как в сказке.

От такого чувственного напора обычно сдержанному Метелину сделалось неловко. Он бросил украдкой взгляд в зал. В полупустом помещении никто не обращал на них внимания, и Метелин несколько успокоился.

Иванова усидела его напротив себя. К ним тут же подскочила официантка и вопросительно взглянула на нее.

– Можно подавать, – кивнула ей Иванова (было видно, что их ждали) и, повернувшись к Метелину, потребовала:

– Рассказывай! Как ты тут?

– Да как... – замялся Метелин. – Живу... Как и все.

– Хорошего мало, если как и все, – нахмурилась Иванова. – По сестре моей, Надьке, можно судить. Если б я не помогла, то...

– Да нет, сейчас еще более-менее. Работаю в фирме, заказы есть. Раньше хуже было. Да ладно, что про меня! – махнул рукой Метелин. – Лучше про себя расскажи. Ты ведь теперь гостя зарубежная.

– Зарубежная, – легко согласилась Иванова, молодо и озорно сыпав искорками золотисто-карих глаз, и на какой-то миг он снова увидел перед собой пятнадцатилетнюю девочку Таню, так поразившую его когда-то.

Они просидели в кафе допоздна. Потом Метелин, посадив Иванову в такси, вернулся домой и долго переваривал в густеющих вечерних сумерках подробности их randevu.

Говорила больше Иванова. Он только вкратце описал свою предшествующую жизнь, которая самому ему казалась слишком обычной и малоинтересной, особенно в сравнении с головокружительными перипетиями Таниной, да изредка задавал вопросы.

И в первую очередь спросил про Артюхина.

– А что Артюхин? – нервно передернула Иванова плечами. – Молодая глупость. Романтика на пустом месте. Рядом с вами, мальчишками, он тогда настоящим мужчиной поблазнился. На понты его клюнула. Потом оказалось, что даже поговорить с ним не о чем. Пока поняла окончательно, что не ему мое поле топтать, несколько лет жизни потеряла.

– Но он тебя любил.

– Тоже мне – герой-любовник! – раздраженно сказала Иванова. – И давай больше не будем о нем. Не стоит он того, ей-богу! Но в одном я невольно Славке благодарна: на его контрасте смогла кое-что важное для себя увидеть и понять...

Довольно быстро осознав, что такому драгоценному камню, как она, нужна и оправа совсем другая, Иванова, хоть и тяготясь, продолжала жить с Артюхиным. По единственной причине: стыдно было возвращаться в родительский дом, откуда бездумно умчалась, закусив удила, юной горячей кобылкой, толком не понимая, с кем придется ей свое «поле топтать». Блудную строптивую дочь, конечно же, немедленно простили бы и возрадовались, что вернулась на круги своя, но Таню такой вариант с добровольным ущемлением собственной гордыни не устраивал, поэтому и после, порвав с Артюхиным, домой она не вернулась. Благо, на носу была преддипломная практика, и Ивановой как отличнице светил один из столичных проектных институтов. Со столицей, правда, в том году не получилось, но достался Ленинград, что для нее, с большим пиететом относившейся к старинной архитектуре, было еще и лучше.

Месяцы, проведенные в этом удивительном городе с его неповторимой красотой и архитектурной гармонией, стали для Тани волшебным сном. И когда она вернулась с практики домой, родной город, молодой индустриальный гигант со своей типовой урбанистической физиономией показался ей совершенно безликим и унылым.

Волшебный сон навевал Ивановой не

только сам Ленинград. В экспериментальной проектной мастерской, куда она попала, собрались в основном недавние выпускники вузов – талантливая, интересная, творчески дерзкая, фонтанирующая самыми подчас невероятными идеями молодежь. И атмосфера была соответствующей. Студентка Иванова сразу же вписалась в коллектив и чувствовала себя здесь совершенно в своей тарелке. Но, что ей особенно льстило и возвышало в собственных глазах, – на Таню обратил внимание руководитель их мастерской. Сначала просто как на способную дипломницу, а позже...

У него, седеющего красавца с почти античным профилем, обрамленным черной бородкой, и имя было библейское – Давид. Прожитыми годами Давид Яковлевич Голембовский подходил к полосе среднего возраста, но на это намекало лишь пробивающееся в смольно-черной курчавой шевелюре серебро седины, которое, впрочем, только еще больше украшало поджарого, юношески стройного до сих пор потомка богоизбранного народа.

Давид Яковлевич происходил из семьи потомственных петербургских архитекторов, которые корнями своими уходили тоже чуть ли не к петровской эпохе. Он рано проявил разносторонние способности, с отличием окончил школу, потом Московский архитектурный институт. Его дипломный проект сразу же взял приз одного из международных конкурсов. И еще не раз после будет он лауреатом престижных смотров зодчих. Его имя быстро приобрело известность в архитектурной среде и внутри страны, и за ее пределами. Не менее успешно продвигался он и по служебной лестнице. В возрасте Христа молодой кандидат архитектуры возглавил только что созданную экспериментальную мастерскую и за несколько лет руководства привел ее ко многим творческим успехам.

Обо всем этом Иванова узнала от ребят, едва переступила порог мастерской. А вскоре и сама поняла: в том, что молодежь мастерской своего начальника боготворила, нет ничего удивительного. Несмотря на должность и регалии, Давид Яковлевич оставался своим среди своих, равным среди равных, демократичным и доступным. Во всяком случае – старался. К нему запросто шли с вопросами по ходу работы вопросами, осененными вдруг идеями. Вокруг него постоянно клубился народ, дверь кабинета не закрывалась. Но и самого чаще можно было увидеть не за начальническим столом, а среди кульманов. Охотнее участвовал он и в коллективных посиделках по поводу

либо праздника, либо чьего-то дня рождения, либо еще какого события. И был душой компании, блистая остроумием и белозубой обаятельной улыбкой.

На одном таком между собойчике между ними и пробежала «искра». Давид Яковлевич в этот вечер был особенно в ударе: искрометно шутил, рассказывал анекдоты и смешные истории и вообще был красноречив как никогда. Вместе со всеми Ивановой с удовольствием слушала его, смеялась и весь вечер ловила на себе его взгляды. Словно открывая для себя Таню заново, Давид Яковлевич смотрел на нее без обычной отстраненности, создающей дистанцию между руководителем и подчиненным, а с откровенным мужским интересом. От этого взгляда у нее загорались щеки и начинало сосать под ложечкой в неясном, но уже волнующем предощущении. Боясь оказаться легкой добычей, а заодно и проверить, не ошиблась ли она в своем предчувствии, Иванова, не дожидаясь, пока коллеги начнут расходиться, незаметно покинула вечеринку.

Она не ошиблась. Давид Яковлевич действительно «положил глаз» на нее. Он все чаще задерживался у ее кульмана или вызывал Иванову в свой кабинет – «для обсуждения деталей ее дипломной работы». На детали времени уходило минимум, дальше шли легкие разговорчики ни о чем, в ходе которых Давид Яковлевич ласкал и грел Таню любовным взглядом. И с каждым разом температура его повышалась. Начали встречаться они и за стенами института. Сначала Давид Яковлевич подвез ее на собственной новенькой «Волге» (немалая по тем временам редкость для рядовых граждан), потом пригласил на концерт модной зарубежной знаменитости, на которую очень не просто было достать билеты, затем в ресторан...

Ухаживал он красиво, галантно. И женщины при их появлении (парочку эту теперь можно было нередко увидеть в театрах, на модных выставках, различных мероприятиях питерской творческой интеллигенции, где Давид Яковлевич был своим человеком) обязательно обращали и на Таню свой оценивающий взор. А Таня купалась в лучах этого отраженного внимания. Тешило самолюбие уже одно то, что она вот так запросто может на зависть многим куда более зрелым и опытным особам идти под руку с этим взрослым видным импозантным мужчиной. Сознание же того, что благодаря ему она теперь может иногда окунуться в атмосферу мира избранных, и вовсе наполняло ее восторгом и гордостью.

В мастерской их отношения тоже за-

метили. За спинами начались пересуды, поползли слухи. Кто-то попытался «открыть» ей глаза, сказав, что «мастер-то женат». Ивановна в ответ пожимала плечами. Что с того? Отношения у него с женой очень натянутые, и как он сам говорит, сосуществуют они с супругой под одной крышей чисто номинально. А с другой стороны, даже в такой ситуации он ей не изменяет.

В последнее мало кто верил, но так оно и было: отношения Мастера и студентки, становясь все ближе, теснее, оставались тем не менее чуть ли не платоническими, если не считать объятий и поцелуев на свиданиях. О семейных своих делах Мастер говорил неохотно, а Таня на подробностях и не настаивала. Ей пока хватало того, что между ними было. Тем более что и сама-то – птичка несвободная. Но при мысли о неминуемом возвращении домой, к Артюхину, о том, что красивой питерской сказке придет конец, и все останется только в воспоминаниях, Тане становилось тошно.

Скорый, но, по сути, безрезультативный финиш их связей не радовал, вероятно, и Давида Яковлевича. Где-то за неделю до Таниного отъезда он неожиданно пригласил ее к себе в гости. Прочитав на лице Тани немой вопрос, объяснил, что жена в заграничной командировке.

– И случилось то, что должно было случиться... – дойдя до этого места в своем рассказе, поспешно сказала Иванова, опуская глаза.

– Что случиться? – не врубился сразу Метелин.

– Нет, ты не изменился, – засмеялась Иванова. – На лету по-прежнему не схватываешь.

– А... – догадался Метелин и задал еще более глупый и бестактный вопрос: – Ну, и как?

Но Иванова отнеслась к нему спокойно.

– Как тебе сказать... – задумалась она на секунду. – Во всяком случае, особого восторга не испытала. Скорей, обыкновенно. До того момента все у нас было гораздо интереснее, романтичнее и даже чувственней. Но, знаешь, тогда вовсе не это было главное...

Главное было определиться в перспективе их отношений. И Давид Яковлевич перед расставанием пообещал обязательно вернуть Таню после окончания института к себе в мастерскую. А за это время утрясти свои семейные проблемы и устранить все помехи для его с ней соедения.

Мастер свое слово сдержал. Новоиспеченный архитектор Иванова с красным дипломом на руках той же осенью снова

оказалась в Ленинграде. Правда, потом почти два года, пока у Давида Яковлевича длилась бракоразводная тяжба, ей пришлось пребывать в не очень приятном статусе сожительницы. Но понемногу все наладилось, вошло в колею. Они расписались, стали законной семейной парой.

– Работе семейственность не мешала? – спросил Метелин, вспомнив, как страдал от этого один из его сослуживцев, трудясь в одном отделе с женой.

– Да нет, скорее помогала...

Естественно, что при своих связях и авторитете в профессиональных кругах Давид Яковлевич протезировал молодой жене, где только мог. Но за это грех в него было бросить камень, поскольку и собственные творческие возможности Ивановой были совершенно очевидны, особенно в различных конкурсных проектах, в которых она активно и небезуспешно участвовала. При такой совокупности усилий Иванова быстро росла и все прочнее утверждалась как самобытный оригинальный зодчий с весьма обнадеживающими перспективами.

– Снова дома-ракушки, фантастические особняки проектировала? – вспомнил Метелин.

– Не забыл, – улыбнулась Иванова. – Нет, это будет позже. А тогда все больше дворцы культуры, кинотеатры, соцкультбыт всякий, вокзалы, станции метро... Много чем занималась. Только вот типовуху терпеть не могла.

Для окружающих они были, несмотря на большую разницу в возрасте, блестящим альянсом. Внутри него тоже долгое время царил если не гармония, то согласие. Давид Яковлевич был по характеру человеком покладистым и терпеливым, умеющим сносить женские капризы и даже стервозность. А если прибавить сюда любовное обожание, с каким он относился к молодой супруге (чем не мог похвастаться в отношениях с первой женой) и которое не истаивало со временем, то можно было смело предположить, что их брачному союзу уготована долгая жизнь.

Они действительно прожили вместе почти полтора десятка лет.

– Четырнадцать, если точнее, – сказала Иванова.

Наверное, жили бы и дальше. Все вроде бы у них для счастливого семейного бытия имелось: и чувства (особенно со стороны Мастера), и достаток, и общие интересы, и друзья, которыми всегда полна была их квартира.

Не хватало одного – детей. У Давида Яковлевича не было их и в первом браке. Не выходило и во втором. То, что не «вы-

ходило», Иванова поняла не сразу. Когда жила с Артюхиным, прилагала все усилия, чтобы избежать беременности, которая была нежелательна, по тогдашнему ее убеждению, и для учебы, и их совместно со Славкой сосуществования, все больше тяготившего ее. Став женой Мастера, Таня перестала беречься, положившись на волю природы и судьбы. Но судьба и природа словно забыли про нее.

В первые годы, увлеченная своим жизнеустройством в северной столице, Иванова об этом как-то не задумывалась, но чем дальше, тем настойчивей ее женское начало требовало исполнения главного своего предназначения. Давид Яковлевич, когда она говорила ему о своем желании, или отмалчивался, или переводил разговор на другую тему. Таню это обижало. И настораживало. Но поначалу она подумала, что дело в ней самой. И пошла провериться. Гинеколог никаких отклонений в ней не нашел и заверил, что рожать она может пачками. Значит, дело в Додике. И он, когда Таня надела на него, вынужден был это подтвердить, что, впрочем, проблемы не решало.

— А мне так хотелось тогда от него ребенка! — вздохнула Иванова. — Тем более что и время мое стремительно уходило — уже за тридцать, а у меня всё пусто-пусто. Сестра Надька и та меня обскакала, давно дочь родив...

Давид Яковлевич предложил компромисс: взять ребенка из детдома, но Таня идею категорически отвергла: не надо ей чужого «кота в мешке» — только свое!..

Однако «свое» оказалось несбыточным. Получалось, что Давид Яковлевич обманул ее ожидания, лишил той ни с чем не сравнимой новизны материнства, перед которой меркнет и тускнеет их прежняя сверкающая радужная жизнь, обнажая за собой зияющий провал и пустоту. Насколько, если отбросить физиологический, медицинский аспект, лично виноват в том (и виноват ли вообще) ее муж — значения для Тани не имело. Существовал непреложный факт, и этого достаточно.

Они еще жили под одной крышей, вместе появлялись на людях, как и прежде казались для окружающих прекрасной семейной парой, но трещина разлада, из которой тянуло холодом отчуждения, становилась все больше. Продолжая совместное сосуществование, они (и в первую очередь Таня) словно ждали подходящего порыва ветра, который сорвет их с общего гнезда и разнесет в разные стороны.

А по стране гулял «ветер перемен». Многое из того, о чем раньше и думать-то было противопоказано, сейчас станови-

лось возможным и реальным. Появились первые кооперативы. В сфере торговли и обслуживания в основном. Иванову свежие веяния волновали и пьянили, как беговую лошадь, которую впервые после долгого времени морозных холодов вывели из зимнего стойла на дорожку весеннего ипподрома и которой хочется пуститься в галоп по еще не просохшей земле прямо вот так — без упряжи и наездника на спине. Иванова к этому времени сама возглавляла мастерскую, организованную не без помощи Давида Яковлевича. Но ей уже было тесно в рамках государственного института с его громоздким и основательно проржавевшим административным механизмом. Хотелось вольного простора собственного дела. И она рванулась туда, даже не представляя того, что может ждать ее на этом просторе.

На исходе восьмидесятых Иванова с группой молодых архитекторов из ее мастерской организовала едва ли не первый в Питере проектный кооператив с красивым названием «Лотос». Кооператив специализировался на малоэтажном строительстве и малых архитектурных формах.

— Вот там коттеджики всякие и начались, — сказала Иванова.

— И находились желающие? — удивился Метелин, вспоминая пустые магазинные полки тех лет, талоны на продукты, огромные унылые очереди и впечатление всеобщей нищеты.

— Находились, конечно. Люди и тогда очень разные были. Кто-то-то куска колбасы купить не мог, а для кого-то никаких материальных проблем не существовало. У них другая забота была — деньги хорошо вложить. А недвижимость, сам знаешь, — вложение надежное. Потом, когда капитализм по стране пошел полным ходом, особняки и вовсе стали вроде визитных карточек у новоиспеченных наших нуворишей. Так что расчет оправдался, и на отсутствие работы мы не жаловались. Тем более что какое-то время нас никто не подпирал, и пенки, естественно, были наши...

Иванова рассказывала про свое кооперативное детище, из личинки-куколки которого появилось потом более современного пошиба малое предприятие, а Метелин дивился ее смелости, решительности и деловой интуиции, позволившей Тане не промахнуться в густом тумане тогдашнего бизнеса.

Он вспомнил свое паническое настроение тех лет и то катастрофическое ощущение, какое владеет пассажиром падающего с огромной высоты самолета в ожидании последнего удара. Привыкнув

чувствовать себя винтиком большого отлаженного механизма, Метелин, оказавшись вне его, когда тот пошел вразнос, растерялся, потерял опору и долго не мог перенастроиться на какой-то другой лад...

К середине девяностых дела фирмы Татьяны Ивановой, правда, пошатнулись. Вставляли палки в колеса расплодившиеся конкуренты, наезжали братки-рэкетеры, не лучше их были менты, налоговики и разные прочие обуюнные алчностью чиновники, которые тоже требовали «делиться». Не сладко было и с заказчиками. Приходилось подлаживаться под их вкусы, а они у «новых русских» были подчас «ниже плинтуса» – и какое уж тут архитектурное искусство, если важнее всего для них забабахать дворец круче и навороченней, чем у такого же ходячего кошелька! Это Иванову особенно угнетало. И даже заставляло подумывать, а не свернуть ли дело и не заняться чем другим.

Она, возможно, так и сделала бы, имея что-нибудь адекватное взамен. Обнаружив в себе, кроме других талантов, несомненные менеджерские способности, она не пропала бы и в любой другой сфере бизнеса, но хотелось продолжать заниматься любимым делом.

Неизвестно, как пошли дела и жизнь Ивановой дальше, если б не встреча с Майклом.

Как ни странно, с американским предпринимателем и миллионером Майклом Дворжецким Татьяну познакомил сам Давид Львович на одной из светских тусовок с участием иностранных бизнесменов.

Дворжецкий был потомком старинного шляхетского рода, несколько поколений которого до Октябрьской революции 1917 года жили в России, а после, спасаясь от большевиков, эмигрировали кто на историческую родину, кто за океан. В числе тех, кто еще совсем детьми оказались в Америке, были и родители Майкла. Здесь же, в Штатах, родился, вырос, получил архитектурное образование, а потом пришел в бизнес и он сам.

Несмотря на то, что в строительной сфере практически все было «схвачено» и поделено, он сумел найти свою нишу и некоторое время весьма успешно в ней развивался. До той поры, пока не стало очевидно, что без выхода на внешние рынки двигаться дальше уже нельзя. И Дворжецкий активно взялся за поиски этих выходов: побывал во многих странах, оценивая местные возможности, организовал ряд филиалов.

В начале девяностых Майкл обратил свой взор на Россию. Рынок здесь, конечно, был безбрежным и бездонным, но и

жутко рискованным среди того мутного вешнего разлива, который захлестнул тогда российские просторы. Надо было искать надежную опору, искать, на кого можно положиться. Сначала Дворжецкий прощупал почву в Москве, затем поехал в Петербург. И здесь ему повезло. В Питере он повстречал Давида Голембовского. В молодые годы, когда Россия еще была страной Советов, они, подающие тогда надежды архитекторы, не однажды пересекались на международных конкурсах и конференциях то в Париже, то в Риме, то в Лондоне. Рассказав старому приятелю о цели своего визита в Россию, Дворжецкий посетовал, как трудно в их стране найти надежного компаньона. Вот тогда Давид Львович и порекомендовал Иванову, аттестовав ее самым лестным образом, умолчав, правда, об их недавней супружеской связи.

– Он втюрился в меня с первого взгляда! – воскликнула Иванова и чему-то своему вздохнула.

– Кто бы сомневался! – отозвался Метелин и констатировал с неожиданной для самого себя резкостью: – И ты, конечно, своего шанса не упустила.

– Какой там шанс! – не обратив внимания на его тон, отмахнулась Иванова. – Я сама от этого американского шляхтича глаз не могла оторвать.

– Высокий, статный, красивый, элегантный, импозантный, с иголочкой одет. Американский миллионер, к тому же. В общем, мечта всех российских золушек, – не удержался и опять съязвил Метелин, испытывая нечто похожее на приступ запоздалой ревности.

– Довольно похоже описал, – улыбнулась Иванова. – Только я даже в самые трудные для меня времена Золушкой не была. И увидела тогда перед собой вовсе не спонсора для бедной девушки, а просто очень интересного мужчину.

– Принца... – попробовал Метелин продолжать в том же тоне, но Иванова на сей раз довольно жестко пресекла его новую попытку.

– Я, знаешь ли, и сама в то время не хуже любой принцессы была, – с отрезвляющей гордостью сказала она.

– А сейчас ты просто королева! – поспешил исправиться Метелин, в душе сомневаясь, что Таня вообще нуждается в комплиментах.

Впрочем, если разобраться, то он казал чистую правду. В абрисе ее лица, в котором с годами отчетливее проступили черты сербской красавицы, горделивой осанке и изящных линиях не потерявшей стройность фигуры и в самом деле угадывалось нечто королевское.

– ...А когда поговорили, пообщались,

я поняла, что мы созданы друг для друга. И как мужчина с женщиной, и как деловые партнеры.

«Ну, что ж, – подумал про себя Метелин, – рыбак рыбака, выходит, увидел издалека...».

– Какое-то время я оставалась в Питере, организовывала наше совместное предприятие. Дела наладились. Он приезжал в Россию, я – в Штаты, Мы были деловыми партнерами и любовниками в одном флаконе. Потом он сделал мне предложение, и я уехала к нему в Санта-Монику.

– Где это?

– Это недалеко от Лос-Анджелеса. Майкл купил здесь землю на берегу океана, построил дом. А офис у нас был в самом Лос-Анджелесе. Сорок минут на машине. Очень удобно.

Америка поразила Иванову еще в самые первые ее визиты по делам их совместного с Дворжецким предприятия. Здесь всё и во всех смыслах рвалось в высоту, и всё, по сравнению с Россией, виделось Ивановой особенным, необычайным. И чем больше она узнавала эту страну, впитывая ее могучую энергетику, тем сильнее обольщалась ею. Здесь было где и в чем выразить себя, раскрыться. Иванова быстро и настолько органично вписалась в атмосферу американской жизни, что вполне можно было говорить, что они с нею, как и с Дворжецким, тоже «созданы друг для друга».

Ну, а Дворжецкий стал для нее неким живым воплощением «американской мечты», образцом настоящего бизнесмена. Не обманул он ее ожиданий и в другом плане. Иванова была не первой его женой, но по той нежной и страстной чувственности, которую он к ней проявлял, в это не верилось. И Голембовский при всех других его достоинствах здесь явно проигрывал.

Впрочем, куда важнее стало не это. С Дворжецким Иванова сошлась уже на подходе к «бальзаковскому» возрасту, когда проблема деторождения становится для женщины все более острой. Как и Голембовский, Майкл был значительно старше ее, но у Татьяны теплилась надежда. Тем более что у него уже было две дочери в прежнем браке.

И Майкл ее ожидания оправдал: вскоре после ее переезда в Санта-Монику у них родился сын. Благословенная Америка помогла реализовать Татьяне и как полноценной женщине!..

– Сын большой уже? – спросил Метелин.

– Да почти четырнадцать Джону.

– А почему Джон? Почему не Вацлав какой-нибудь? На польский манер.

– Это Майкл так придумал. Сказал: назовем Джоном в память о том, что ты в прошлой жизни была Ивановой.

– Оригинально, – усмехнулся Метелин и спросил: – А Марьяна Николаевна, интересно, как отнеслась к американскому имени внука с русским подтекстом?

– Мама к тому времени уже не было. А папа умер еще раньше, – глубоко вздохнула Татьяна, и Метелин устыдился, что он, живя с ее родителями в одном городе, ничего не знал об этом.

Рождение сына привнесло в существование Татьяны Ивановой, теперь уже миссис Дворжецкой, то недостающее звено, которое делало узор ее жизни гармоничным. Сейчас у нее было все то, о чем обычно мечтает любая российская женщина, стремящаяся выйти замуж за преуспевающего иностранца, – деньги, вилла на берегу теплого океана, муж-миллионер и венец всего этого счастья – сын, при славы корнях своих – гражданин великой Америки. А мальчик, унаследовав черты обоих родителей, удался на славу.

Кто другой на месте миссис Дворжецкой, наверное, полностью и безраздельно сосредоточился бы на своем семейном гнезде, но сидевшая в ней беспоконная и деятельная натура Тани Ивановой активно противилась этому. Малышу еще и полгода не исполнилось, а Татьяна уже снова была «в строю». Благо, Дворжецкий содержал целый штат прислуги, и проблемы, на кого оставить ребенка, не вставало.

Семейный бизнес четы Дворжецких шел хорошо. Сын подрастал и радовал. Казалось, что под щедрым калифорнийским солнцем так будет всегда. Но идиллия закончилась так же внезапно, как меняется подчас погода над океаном. Еще каких-то полчаса назад вокруг безоблачное небо с палящим солнцем до горизонта, но вдруг все начинает стремительно затягиваться черными тучами, которые вскоре разразятся грозой... Ничто не предвещало беды. На здоровье Майкл не жаловался. Если и недомогал когда, то в постели не валялся. Он и тогда, когда это случилось, просто прилегал на диван отдохнуть, вернувшись из Лос-Анджелеса после напряженного дня, и уже не поднялся – остановилось сердце.

– Легкая смерть, – сказал Метелин.

– Легкая, да не для меня. Я совершенно не готова была к такому повороту. Майкл был мне и мужем, и партнером, и каменной стеной, за которой я чувствовала себя спокойно и комфортно. А после его смерти я растерялась. Что делать, куда мне теперь деваться в чужой стране? Возвращаться домой? К кому и за чем? Мама с папой нет, у Надьки своя

жизнь, да и разные мы совсем, хоть и сестры.

– А Голембовский?

– Думала и об этом. Но сомневалась, сложатся ли у нас заново отношения, тем более что не люблю я возвращаться к тому, что было. Да и сын... Это для меня Россия – родина, а он-то родился и вырос в Штатах. Совсем другая среда обитания. Оставался еще и наш совместный с Майклом бизнес. Его я тоже не могла и не хотела бросать. Так что осталась.

– И как тебе без «каменной стены»

– На первых порах очень тяжело пришлось. Началась дележка наследственного пирога, суды-пересуды. Возникли с большими претензиями первая жена и дочери. Куча других претендентов объявилась. Как всегда и везде. Наследственные дела – вообще штука грязная, а тут еще вдова-иностранка. Хорошо, что Майкл предусмотрительно составил завещание. По нему большая часть всего состояния – а это фирма, усадьба в Санта-Монике, другая недвижимость, несколько десятков миллионов долларов на счетах – отходила мне с сыном. Родственники попытались завещание опротестовать. Столько помоев на меня было вылито, чего только не наслушалась! Но ничего, выстояла, отсудила все, что мне полагалось. Правда, со всеми рассорилась и осталась совсем одна.

– А сын?

– Если хочешь точности – то одна с сыном. Да и Джона иногда подолгу не вижу. Он рано самостоятельным стал. Мы с Майклом в разъездах, а он дома один... с прислугой. Сейчас в Калифорнийском университете учится. Там же в основном в общезнании и живет. Домой только наезжает время от времени. Так что – одна...

Иванова прерывисто, словно у нее вдруг перехватило дыхание, вздохнула и уперлась в Метелина долгим взглядом, в котором таились тоска и еще нечто такое, что заставляло учащенно биться сердце и ощущать смутное беспокойство.

Уже несколько часов минуло с их свидания. Метелин смотрел в открытое кухонное окно на заснувший в душной истоме короткой летней ночи город и никак не мог отрешиться от этого необъяснимого беспокойства.

Оно не покидало его и весь следующий день. А с ним злом отдавалось в ушах это тоскливое, но вместе с тем и на что-то намекающее, как будто что-то ему обещающее – «одна...»

Надо было срочно отчитываться по командировке, да и куча других дел накопилась, однако все у Метелина валилось

из рук, хотелось побыстрее вырваться из прокаленного солнцем офиса, но время словно застыло. Страшно хотелось позвонить Ивановой, и он несколько раз порывался, но тут же и останавливал себя, не представляя, что он ей скажет, кроме дежурных фраз типа «как ты там...», «чем занимаешься...» или «что ты делаешь сегодня вечером?..» Впрочем, последнее его как раз очень интересовало.

Часа в четыре пополудни Иванова позвонила сама. Метелин выскочил из-за своего рабочего стола и под удивленные взгляды сослуживцев помчался в коридор.

– Привет! – услышал он в трубке знакомый голос. – Что делаешь? – И следом, не дожидаясь ответа на вопрос: – А я успела о тебе соскучиться.

У Метелина сладко заняло в груди.

– Я тоже! – радостно откликнулся он и услышал после короткого Таниного смеха:

– Тогда нам надо вместе поужинать. Ты как смотришь?

– Да, да, конечно! – поспешно согласился Метелин.

Ужинали снова в «Лазурите». И даже столик был тот же. Они пили французское вино, название которого Метелин тут же и забыл, поскольку в винах мало смысла. К тому же лично для него весь этот изысканно сервированный стол (к их приходу опять явно готовились) был всего лишь гарниром к главному для него блюду – Тане Ивановой. Из-за вечернего времени народу в ресторане по сравнению со вчерашним прибавилось, но им никто не мешал: пальма в кадке как бы отгораживала их от остального зала, за столиком предусмотрительные хозяева заведения оставили только два стула, так что подсесть к ним тоже никто не мог.

Они сидели друг против друга, и Метелин в приглушенных тонах неяркого ровного освещения мог хорошо рассмотреть Таню. Ему и накануне никто не мешал делать этого, но вчера он был слишком поглощен рассказом Ивановой о перипетиях ее судьбы. Да и чувствовал себя подобно человеку, глядящему на жаркое солнце и вынужденному то и дело опускать или отводить в сторону взгляд. Но сегодня «солнце» уже не слепило глаза, во всяком случае, так остро, как вчера, этого не ощущалось, и Метелин мог спокойно рассматривать свою визави.

Удивительное дело, но время словно бы обошло Иванову стороной: оно не только не состарило ее, но и внешне почти не изменило. Только тверже и резче стали черты лица, да появились расходящиеся веером из уголков глаз тонкие морщин-

ки. Зато в волосах – ни единой сединки, и глаза оставались удивительно молодыми. Окунаясь в них, Метелин переносился в то уже далекое теперь время, когда солнечным морозным днем любовался в классе янтарным на фоне замерзшего окна профилем Ивановой и ждал, когда она полуобернется к нему, и ее карие глаза сыпанут в него золотистыми искрами...

– Что-то у меня не так? – перехватив его взгляд, забеспокоилась Иванова, доставая из сумочки зеркальце.

– Нет-нет, – успокоил ее Метелин, – ты прекрасно выглядишь! Просто... – чуть помялся он, – я восьмой класс вспомнил, когда мы познакомились.

– Ты знаешь, а я не помню, как мы с тобой познакомились, – призналась Иванова.

– Была физкультура, лыжи, а я варежки забыл. Ты мне тогда свои отдала. Сказала, что у тебя руки никогда не мерзнут. Выручила, а я рукавички забыл вернуть. Они у меня до сих пор хранятся... Как память о тебе.

– Да-а... – удивленно и в то же время взволнованно отозвалась Иванова. – Выходит, ты все это время не забывал меня?

– Выходит...

– А знаешь, я и сейчас в любые холода с голыми руками хожу. Не выношу перчаток, рукавиц.

– Да какие в вашей Калифорнии холода! – сказал Метелин.

– Но я иногда и в холодную Россию приезжаю. И здесь вдруг встречаю человека из далекой моей юности, который, оказывается, помнит меня еще девочкой. Это страшно приятно...

Теперь уже Иванова не спускала с Метелина глаз. Она смотрела на него с тем жадным интересом, с каким разглядывают после долгого отсутствия знакомые места: что-то, конечно, просматривается и прежнее, но все-таки как все здесь изменилось!.. И трудно узнать теперь в этом привлекательном седеющем мужчине нескладно-угловатого мальчишку-старшеклассника из ее школьной юности.

Видения той поры одно за другим стали вспыхивать в ее сознании.

– Таня, что с тобой! – вывел ее из забытья голос Метелина.

– Ой, да ничего, ничего! – тряхнула она головой, приходя в себя. – Задумалась... – И предложила: – Сережа, пойдем, воздухом подышим?

Метелин вдруг вспомнил тот первый школьные вечер, свои неумелые танцы. Точно так же Таня предложила тогда пойти подышать свежим воздухом... Как удивительно все повторяется?.. Он кивнул и поднялся из-за стола.

– Ты иди, я догоню, – сказала Иванова и пошла в сторону служебного помещения.

Через несколько минут появилась на улице, где у входа в ресторан ожидал ее Метелин, и сунула ему в руки большой пластиковый пакет.

Они медленно брели по бульвару, взявшись за руки. Дневной зной отступил, но и желанной прохлады в застоявшемся от безветрия воздухе не было. Даже сюда, под кроны кленов и лип, проникали бензиновый перегар и тяжелый дух горячего асфальта проезжей части. А Метелину виделся осенний сквер на городской окраине их детства и фигуры девочки и мальчика на одной из аллей...

– Там все и произошло... – сказал Метелин.

– Где? Что произошло?

– А, извини... Сквер на нашей окраине вспомнил. И как мы целовались там. Тогда осень была поздняя. Деревья голые, под ногами листья шуршали, а нам жарко... Мне жарко, – поправился Метелин.

– Да мне тоже холодно не было, – засмеялась Иванова и погрустнела: – Как хорошо в юности – все впервые, все только начинается, все необычно! Иногда мне так хочется вернуться туда.

– Жаль, машины времени нет, – улыбнулся в ответ Метелин.

– Я думаю, если сильно захотеть, то можно и без машины времени обойтись, – возразила Иванова. – Я вот, тебя увидев, просто страшно захотела... – Она внезапно остановилась, словно в голову ей вдруг пришла какая-то интересная мысль, а через пару мгновений, крепко взяв под руку, потянула его за собой: – Пошли!

– Куда? – не понял Метелин.

– Скоро узнаешь.

Она остановила такси, что-то сказала его хозяину (видимо объяснила, куда надо ехать), а когда сели, тесно привалилась к нему. У Метелина враз пересохло во рту. Он осторожно высвободил притиснутую ее плечом руку и неуверенно обнял Иванову. В ответ она прижалась еще теснее, положив ему голову на плечо.

Ехали молча. Вороненого отлива ее волосы щекотали ему шею и ухо. Боясь пошевелиться, Метелин кашивал глаза в окошко машины и с удивлением обнаруживал, что едут они по знакомому с детства маршруту. А когда показался тот самый сквер, сомнений уже не оставалось. Их окраина, конечно, сильно изменилась – разрослась, взлетела вверх высотками, засияла стеклом и металлом, стала такой же современной, как и другие части

города, но что-то все-таки оставалось и от нее прежней.

Иванова оторвалась от Метелинского плеча и сказала таксисту:

– А сейчас, пожалуйста, направо, вон к той трехэтажке.

И Метелин с удивлением понял, что приехали они не куда-нибудь, а к дому Ивановых. Как и другие оставшиеся с той поры постройки, дом одряхлел, а на фоне многоэтажных красавцев вокруг был просто жалок, словно зажившийся старик, путающийся в ногах у молодых высокомерных акселератов. Тем не менее продолжал стоять, где и десятки лет назад, и судя по шторам и цветочным горшкам на подоконниках, в нем и по сей день жили люди.

– Узнаешь? – кивнула Иванова в сторону дома.

– Жив, старик, – отозвался Метелин и подумал, а сохранился ли их дом, где он не был со времени смерти матери.

Они вошли в подъезд, по лестнице со сломанными перилами поднялись на третий этаж. Под ногами хрустели обвалившиеся со стен и потолка куски штукатурки. Вот и знакомая дверь. На фоне остальных на площадке она выглядела все еще внушительно. Иванова достала из сумочки ключи. Щелкнули замки.

– Входи, – пригласила Иванова, первой переступая порог.

Метелин последовал за нею в нежной сумрак. Иванова нашарила на стене выключатель. Прихожая осветилась. Теперь она показалась Метелину еще просторнее, чем тогда, когда он впервые переступил порог этой квартиры. «И совсем пуста», – догадался он, глянув на голые крючки вешалок. Хотел снять по привычке туфли, но Иванова остановила:

– Не надо. Чистотой квартира не блещет. Надька навевается сюда редко.

– И что – здесь никто не живет?

– После смерти родителей Надька здесь некоторое время обреталась, потом решила продать. Да вот покупателей все не найдет.

– Немудрено. И дом убитый, и квартира... Ремонт ей нужен, – говорил Метелин, расхаживая по квартире и заглядывая в пустые комнаты.

– Нужен, конечно, – соглашалась Иванова. – Да только руки у Надьки с мужем, видишь ли, не доходят. Они на готовенькое горазды. Квартиру новую я им купила, а родительскую сами даже и продать не могут.

Заглянул Метелин и в комнату сестер. Вся мебель оставалась на своих местах: диванчики у стен, письменные столы у окна, покрытый слоем пыли пуфик, аквариум с рыбками на Надиной половине.

Не хватало только немецкого пианино.

– А те твои этюды, рисунки сохранились? – почему-то чуть ли не шепотом спросил Метелин.

– Не знаю, – сказала Иванова, обнимая его сзади за талию. – Мама вроде бы хранила, а после нее – не уверена. Да и зачем?

– Память.

– Я, Сереженька, слава богу, еще жива, и здесь не музей. Ладно, пошли в зал, – потянула она его за собой.

В зале тоже особых перемен не произошло. Разве что телевизор в мебельной стенке был посовременней. Сюда же, оказывается, перекочевало и пианино.

– Выкладывай, – показала Иванова на пакет. – Продолжение банкета устроим здесь.

Иванова достала из «стенки» тарелочки из родительского еще сервиза, хрустальные фужеры, почерневшие от времени ножи и вилки столового серебра, сходила на кухню, вернулась оттуда с полотенцем и салфетками, протерла посуду.

Удивительно, отметил про себя Метелин, но в ней еще оставалась девичья грация – столь огромная редкость для дам ее возраста.

– Ты, наверное, фитнесом занимаешься, – сказал Метелин, разливая вино. – Фигура, как у молодой.

– Правда? – зарделась Иванова.

– Правда, – подтвердил Метелин.

– Без фитнеса тоже не обошлось, но в основном, знаешь, – матушка-природа. Да ты тоже, смотрю, не растолстел у меня, – сказала Иванова.

И у Метелина радостно екнуло внутри. Этим своим «у меня» она как бы возвращала его к себе.

– А знаешь, я какая гибкая! – с ребячьей гордостью воскликнула Иванова. – Могу и на мостик встать. Хочешь?

Метелин протестующее замахал руками, но она стала прогибаться назад и действительно сделала хороший гимнастический мостик.

Метелин зааплодировал. Иванова молодо крунулась на месте, потом, склонив голову, присела в реверанс.

– Нет, правда, я еще ничего? Ну, хоть немножко тебе нравлюсь? – спросила она с какой-то мольбой и надеждой.

И это было что-то совершенно невозможное в прежней Тане Ивановой, бесконечно уверенной, что не нравиться она просто не может. Когда здесь же нечто подобное Иванова спрашивала его много лет назад, демонстрируя свое потрясающе смелое по тем временам платье мини, подчеркивающее все ее прелести, она заранее знала ответ. Да и смысл вопроса тогда был совсем другой.

А в чем он сейчас? – спросил себя Метелеин. – Не в том ли, что время чем дальше, тем меньше оставляет надежд каждому. Даже тем, к кому оно пока еще благосклонно?

– Конечно, нравишься, – со всей искренностью сказал Метелин.

– Тогда давай выпьем за нас, – предложила Иванова. – И многозначительно уточнила: – За нас с тобой.

А чуть позже, когда они пригубили еще по разу, спросила:

– В тебе этот диванчик, на котором мы сейчас сидим, никакие воспоминания не будит?

Метелин покраснел. Очень не хотелось ему еще раз вспоминать тот свой позор, ставший причиной их расставания. И зачем она его об этом спрашивает?

– Кажется, у нас здесь с тобой что-то происходило, – пробормотал он, опуская глаза.

– Значит, не забыл. Происходило... Да не произошло... – вздохнула Иванова.

Специально напоминает – издевается, решил Метелин, и ему стало нехорошо.

– Ты, Сережа, недавно про машину времени говорил, – обняла его Иванова. – А давай представим, что мы с машиной или без – неважно – действительно вернулись в прошлое. Смотри, здесь почти все, как тогда. И тот самый диван... Так может, повторим все сначала... Но дойдем до конца! Согласен?

Метелин неуверенно кивнул.

Иванова порывисто вскочила, отодвинув столик, вышла на середину зала.

– Смотри – перед тобой девочка Таня из твоей школьной юности!

– На той девочке было платье с глубоким вырезом и выше колен. А на тебе – брюки с блузкой.

– Ну, какая разница! – приобиделась Иванова. – Ты просто представь... Ах, музыки нет!

– Да вон же проигрыватель, – показал Метелин на старенькую радиолу возле противоположной к окну стене. – Наверное, и пластинки есть.

Иванова порывалась в тумбочке, на которой стояла радиола, достала одну из пластинок. Подняв крышку проигрывателя, поставила пластинку на массивный диск и опустила на звуковую дорожку головку звукоснимателя. Зазвучало обожаемое Метелиным с юности «Арабское танго».

– Потанцуем? – предложила Иванова.

Метелин поднялся, сделал шаг навстречу. Таня обвила руками шею, прильнула к нему. Метелин снова ощутил горчичный жар ее тела и почувствовал, как поднимается в нем упругая горячая

волна. Совсем близко увидел запрокинутое лицо Ивановой с опущенными веками, ощутил легкий аромат изысканных духов, успел подумать, что косметикой она почти не пользуется, в отличие от большинства женщин ее возраста, и тут же оказался в плену ее губ.

Поцелуй был долгим, жадным, горячо испуганным. Они словно хотели высосать друг из друга как можно больше негражданской любовной влаги. К удивлению Метелина, губы Ивановой и сейчас сохраняли легкий вишневый привкус. И это возбуждало не меньше, чем сам поцелуй.

Наконец, совершенно задохнувшись, они оторвались друг от друга.

– Всю помял, – сказала Иванова, но вместо того, чтобы разглаживать примятые на груди кружева, расстегнула на блузке сначала одну пуговку, потом другую... – Ну, помогай же, не стой столбом...

Метелин освободил ее округлые плечи от шелка блузки, ощущая бархатистость смуглой, ровного тона, без всяких там возрастных пигментных пятен, родинок кожи, нащупал застежку бюстгалтера на спине. Иванова нетерпеливо шевельнула плечами, словно спешила побыстрее выскользнуть из своей женской сбруи. Трясущимися от волнения пальцами Метелин расстегнул бюстгалтер, потянул на себя бретельки. Как и блузка несколько мгновений назад, он также неслышно соскользнул под ноги, открывая налитые, еще не потерявшие форму груди. Метелин взял их в руки, почувствовав тяжесть теплых упругих шаров, сжал. Потом, склонившись, поцеловал набухающие на глазах соски. Прикусив губу, Иванова застонала. Метелин присел и потянул молнию на ее легких летних брюках. Они тоже оказались на полу. Иванова, словно только и ждала этого момента, облегченно перешагнула через них и, поддев ногой, отшвырнула от себя. От единственной оставшейся части своего туалета она освободилась сама.

Метелин, слегка отстраняясь, смотрел на стоящую перед ним нагую женщину, ощущал жар ее тела и действительно видел шестнадцатилетнюю Таню. Не вместо нее, а рядом с нею. И каждая была хороша по-своему. Одна – девственной весенней свежестью, другая – зрелой осенней красотой. Он любовался обеими и думал, что вот, наверное, с подобных женщин античные скульпторы (каждый на свой вкус) и валяли оставшиеся в веках шедевры. Вдруг Танины губы, как в немом кино, беззвучно зашевелились, и внутри Метелина зазвучал идущий откуда-то издали ее голос со знакомыми нетерпеливо-требовательными интонациями: «Ну, что ты, ну?.. Возьми меня!..»

Метелин снова придвинулся к Ивановой, и она, приняв это за некий сигнал с его стороны, начала лихорадочно стаскивать с него футболку, потом потянула за ремень брюк...

А дальше был провал, омут, любовный аффект. Как в песне: «И, срывая якоря, прочь летит душа моя...» Прочь – и вдаль, и ввысь, и в бесконечную глубину. «Сплетенье рук, сплетенье ног...» На несколько минут они словно растворились друг в друге, став неразрывно-единым существом, обуянным бешеной вулканической страстью. И когда давление этой страсти достигло предела, за которым мог быть только разносящий вздрезги взрыв, вулкан начал извергаться горячей лавой. Она обжигала животы и ноги любовников, заставляя испытывать их ни с чем не сравнимое мучительное наслаждение. Но чем слабее становился ее поток, тем большее облегчение испытывали любовники. Наконец, их двуединое существо распалось, и теперь они, каждый в своей телесной оболочке, лежали, едва соприкасаясь боками, совершенно обессиленные и опустошенные.

«Ну, вот я и взял тебя...», – приходя в чувство, подумал Метелин.

– Что? – не поняла Иванова, а Метелин запоздало спохватился, что мысль свою, помимо воли, высказал вслух.

– Да так... ничего... – неопределенно отозвался он.

Они не спешили вставать. Иванова, повернувшись к нему, легонько водила губами по плечу Метелина, а он, прикрыв глаза, снова задумался.

Лучше поздно, чем никогда, – приходил он к выводу и тут же сам себе возражал: – Но лучше всего – вовремя. Ложка дорога к обеду. Далеко не факт, конечно, что та далекая ложка была бы вкуснее. Скорее, пожалуй, наоборот. Но жизнь после нее могла повернуться совсем иначе...

Из забытья Метелина вывели звуки фортепиано. Пока он предавался размышлениям, Иванова успела встать, побывать в ванной, и теперь сидела в шелковом халатике на круглом вращающемся стульчике, перебирая клавиши фоно. Из разрозненных поначалу звуков стала прорисовываться мелодия. Следуя ей, Иванова запела:

Как много лет во мне любовь спала.
Мне это слово ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине, ждала
И вот проснулась,
И глаза свои открыла...

Сильный красивый голос ее, близкий к драматическому сопрано, свободно заполнял собой пространство комнаты. Ме-

телин приподнялся на локте. Иванова коротко обернулась, словно убеждаясь, что ее слушают, и продолжила:

И вся планета распахнулась для меня,
И эта радость будто солнце не остынет,
Не сможешь ты уйти от этого огня,
Не спрячешься, не скроешься –
Любовь тебя настигнет...

– Вот так! – неожиданно оборвала песню Иванова и хлопнула крышкой пианино.

Их свидания на родительской квартире Ивановых продолжились. Уже на следующий день они снова встретились здесь. И на следующий после него, и дальше... Они приходили сюда каждый день, как на работу. У себя в офисе Метелин с нетерпением ждал вечера, чтобы снова очутиться в этих стенах и объятиях возлюбленной.

В отличие от ослепляющей и отключающей сознание вспышки их первого соития, дальше все происходило спокойнее, ровнее и... чувственнее. Если сначала они больше походили на вконец изголодавшихся самца и самку, в спешке насыщения заглатывавших вожделенную пищу, даже не ощущая ее вкуса, то потом это были уже смакующие каждое блюдо и каждый кусочек гурманы. С другой стороны, наверное, не меньше им пошло бы сравнение с художником, который, осененный творческой мыслью, спешит сначала запечатлеть ее в общих чертах и контурах, а потом начинает с наслаждением прорабатывать детали.

А «детали» возникали новые и новые. Любовники, казалось, решили перепробовать всю «Камасутру». Иванова и здесь солировала. Но и Метелин старался не отставать. Он никогда не видел себя зажигательным мачо и о сексуальных своих способностях был весьма скромного мнения. В размеренной семейной жизни ему их вполне хватало. Во всяком случае, большего жена от него и не требовала. В постели же с Ивановой Метелин сам себя не узнавал и себе удивлялся. Ей, впрочем, – тоже. Они ровесники, а ощущение, что она значительно моложе – столько в ней еще силы, огня и энергии. Метелин вдруг нектати вспоминал жену – уже потерявшую былые формы, расплывающуюся, отяжелевшую, и ему даже как-то неловко было представить ее рядом со статной, без телесных излишеств Ивановой.

Любовные их утечи сменялись долгими разговорами. Вспоминали школу, одноклассников, о жизни которых – удивительно – Иванова была осведомлена гораздо больше Метелина. Очень много в эти дни было сказано об Америке. О ней

Иванова говорила с неизменным восхищением:

– Амерка – супер! Это гигантский айсберг среди мелких льдин, это бесконечной высоты сверкающий небоскреб на фоне жалких лагун других стран!.. В Америке каждый может достичь всего, на что способен. Было бы желание.

– Страна сбывающихся мечт и равных возможностей, – пытался иронизировать Метелин, но Иванова, пропуская мимо ушей его реплику, вдруг признавалась:

– Ты знаешь, я сейчас в России, наверное, и жить уже не смогла бы.

А таким, как он, думал про себя Метелин, кроме России, и жить-то больше негде.

– Хоть бы глазком одним глянуть на эту хваленую Америку, – притворно вздыхал Метелин, – а то сидим здесь в лесу, в жалких лагунах, молимся колесу...

– Могу поспособствовать, – не реагируя на новый его иронический выпад, предлагала Иванова. – Нет, правда, приезжай ко мне в Санта-Монику. Своими глазами увидишь, как я живу. У нас прекрасно! Тебе понравится, я уверена... – приподнявшись на локте, со значением говорила она, возбуждая в нем ознобную волну неясного беспокойства.

Метелин воспринял ее приглашение как ни к чему не обязывающую дань вежливости, и оно тут же выскочило из головы. Он и не думал, что Иванова вернется к этому разговору. Но уже при следующей их встрече она сказала:

– Сережа, поехали ко мне!

– А мы где? – не сразу понял он, озирая стены семейного гнезда Ивановых.

– Ко мне, в Калифорнию – в Санта-Монику.

– Да, да, конечно, появится возможность – обязательно... – согласно закивал Метелин, сам себе не веря.

Иванова тоже посмотрела на него с сомнением. А после очередной любовной феерии, когда утомленные и расслабленные они лежали вполоборота друг к другу, она, утихомирив дыхание, прерывисто зашептала ему в ухо:

– За эти дни с тобой я поняла, что, как и без Америки, не смогу теперь жить без тебя... – И тут же, без перехода: – Поедем со мной! И на всю оставшуюся жизнь Санта-Моника станет нашим раем для двоих...

И только тут до Метелина стало доходить, что не погостить она его зовет, а вроде как насовсем. И снова пробрал его ознобный холодок неясного беспокойства.

– Ты серьезно? – надеясь, что он все-таки неправильно ее понял, спросил Метелин.

– Совершенно! – ни мгновения не раздумывая, откликнулась Иванова, поверг-

нув его в панику.

Все происходившее между ними в эти дни казалось ему чудесным сном. Сну, конечно, рано или поздно придет конец, но пока Метелин с удовольствием предавался ему, не думая, что же ожидает его за границами волшебного сновидения. Однако Танино предложение возвращало его из любовной сказки к реальности, заставляло задуматься о завтрашнем дне их отношений.

– Но я ведь птица несвободная... – начал было вяло отговариваться Метелин, однако Иванова перебила его:

– Вот и надо освободиться, уйти в вольный полет. – И добавила после короткой паузы: – С любимой женщиной. Ведь ты же любишь меня? Правда?

– Правда! – эхом отозвался он, нисколько на сей раз не лукавя.

Уже тогда, накануне первой их встречи в «Лазурите», Метелин понял, хотя не мог еще до конца в том себе признаться, что все эти годы, отделившие их друг от друга, он продолжал Таню помнить и... любить. Любовь не ушла, не покинула его, она просто забилась в дальний уголок его души, затаилась до лучших времен. Совсем как в той песне, которую пела Таня.

Кто-то сказал, что у любви нет прошедшего времени. И был прав. И вот теперь время настало?.. «Любовь глаза свои открыла»?..

–...А раз мы любим друг друга, значит, должны быть вместе, – сказала, словно гвоздь вбила, Иванова.

Метелин же подумал, что в безапелляционной своей решительности она, пожалуй, нисколько не изменилась. И вновь всплыл тот памятный момент из его юношеского далека, когда оставалось только переступить черту открытых ею ворот, и как трудно, даже невозможно оказалось ему это сделать. Неужели история и в самом деле повторяется? Только вот прожитые годы сделали ответ на вопрос, быть или не быть ему с нею, для Метелина еще более неоднозначным. Зато Иванова, похоже, особых рефлексий по данному поводу не испытывала. Как и в далекой юности, сакраментальное «если любишь, то можно» и сегодня в ее устах звучало и оправданием с отпущением грехов, и волшебным ключиком к заветной двери любовной обители для двоих.

– Но ведь у меня семья, – все же попробовал возражать Метелин, – жена, дети, внуки.

– А что семья? – как-то даже удивилась Иванова, словно Метелин выдвинул совершенно странный – незначительный и несерьезный аргумент. – Дети живут своими семьями, ты им особо не нужен. С внуками же всегда сможешь пообщаться.

– А жена? Ее ведь, как рукавицу, с руки не сбросишь?

– Ты еще, Сереженька, про старый чемодан с оторванной ручкой вспомни: нести тяжело, а бросить жалко... Признайся честно: ведь вы давно уже живете вместе не по любви, а просто по привычке. Разве это жизнь? Это – повинность какая-то.

И здесь Метелину трудно было что-либо возразить. Ему и самому не раз казалось, что его семейная жизнь давно идет по заведенному кругу и держится лишь на привычке совместного супружеского существования, в котором не осталось ни бурных всплесков, ни ярких эмоций, ни раскаленного жара, ни ледяного холода. Тем не менее жизнь эта как форма существования его вполне до сих пор устраивала. Но вот появилась Иванова и... словно палку в их семейный муравейник швырнула...

– Пойми, я ничего не имею против твоей жены. Я ее просто не знаю. Но я знаю, что жить надо по любви и только по любви. А если ее нет, то лучше уйти. Правду говорят – любовь движет миром. А не привычка. Впрочем... – задумалась вдруг Иванова, – есть, наверное, в ней нечто особенное, способное прочно держать тебя рядом. Если это действительно так – скажи, я пойму. И поставим точку...

Метелин молчал, не зная, что ответить. Никаких особенных талантов он за своей женой не замечал. Даже кулинарных. Впрочем, одним талантом она все же обладала несомненно – преданностью и надежностью. Метелину приходилось иметь в жизни дело с разными людьми. Кого-то он сторонился, с кем-то поддерживал приятельские отношения, кому-то мог довериться, кому-то нет. Но только на Валентину свою мог полностью положиться, опереться во всем и всегда. Именно она не давала ему отчаяться, пойти ко дну в самые тяжелые моменты жизни.

Метелин прикрыл глаза и мысленно перенесся в начало девяностых. Их ГИПРО рассыпался на глазах, и какое-то время Метелин находился в подвешенном состоянии, без дела и денег. Это уже потом, позже, когда из осколков института станут возникать разные фирмочки, ему посчастливится оказаться в одной из них, а до тех пор он больше года был самым настоящим безработным. Многие его коллеги срочно перекалцифицировались в челноков, пополнили ряды продавцов на вещевых рынках. А он, до неприличия честный, не умевший и коробки спичек продать-перепродать, оставался неприкаемым. Все чего-то ждал, на что-то лучшее надеялся. Другая бы на месте Валентины его живьем сгрызла и кости выплону-

ла (сколько тогда подобных семейных драм происходило), а она, тоже лишившись работы, терпела, не донимала укорами, не понуждала переступить через себя. Сама взваливала на себя бремя, которое, по идее, должен был нести он. Хваталась за любое дело. Брала у оптовиков на реализацию какие-то шмотки, днями торчала с ними в любую погоду где-нибудь на улице или на барахолке. А вечерами ухитрялась еще и в офисах полы мыть. Теми ее заработками тогда и держались. Даже когда Метелин наконец нашел работу. Поскольку фирмочка, куда он пристроился, долго и мучительно вставляла на ноги, и о хороших заработках можно было только мечтать.

– Ты меня слышишь? – потормошила Иванова его за плечо.

– Да, да... – очнулся Метелин.

– Ладно, – вздохнула она, не продолжая разговора, и в голосе ее зазвучала обида.

А на следующий день, после очередного сладостного соития, Иванова, как ни в чем не бывало прижавшись к его плечу, снова завораживающе «пела» про калифорнийские красоты и прелести американской жизни, которые будут доступны и ему, Метелину, если они соединят свои судьбы.

Через полуприкрытые веки Метелину виделся облизываемый прибором берег в роскошной субтропической зелени. По шоссе вдоль него стремительно неслись поток шикарных авто. Бесконечное шуршание шин сливалось с неумолчным шумом океанской волны. А дальше – одноэтажные домики на ухоженных лужайках за низенькими штакетниками, будто сошедшие с рекламных туристических буклетов. Метелин чувствовал на своей щеке жаркое Танино дыхание, и из глубины памяти всплывали невесты где и когда прочитанные или услышанные им строки:

Только мне чьи-то губы
шепчут о теплом крае
и что меня ты любишь,
и что придешь весной...

– ...Надо время от времени обновлять, освежать застоявшуюся кровь, – слышал Метелин голос Ивановой.

– Да, наверное... – отзывался он. – Только вот куда девать старую?

– Делать кровопускание, – с нервным смешком отвечала Иванова и тут же, по-серьезнее: – Нет, правда, иногда наступают моменты, когда надо что-то срочно менять в сложившейся жизни. И менять безоглядно. Со мною такое случалось, я знаю. Тут важно отрешиться от того, что уже было, и – вперед, не оборачиваясь, только вперед!

– Сжигая за собой мосты?

– Можно и так, если хочешь. Тем более что есть ради чего их сжигать. После стольких лет мы вновь нашли друг друга, вернули нашу любовь. Теперь надо сохранить ее и не потерять вновь.

Да, да, не потерять!.. – зхом отозвалось в голове Метелина. Однажды это уже произошло. И теперь, когда судьба предоставила ему новую возможность, – не наступить бы, правда, на те же грабли. Таня, пожалуй, права – надо действовать безоглядно и решительно, несмотря ни на что...

Как часто ему в жизни не хватало именно этой безоглядной напористой решительности! В результате он нередко оказывался на обочине. То его очередь на квартиру при собственном молчаливом попустительстве (видел, что оттирают, да не решился голос в свою защиту подать) вдруг отодвигалась, то более высокая должность, на которую он по праву претендовал, доставалась в итоге куда менее ее заслуживающему, но зато более напористому коллеге. Не всегда, впрочем, и в напористости было дело. Метелин вспомнил, как однажды почти стал он начальником отдела. Уже все было решено и согласовано. Но в последний момент сам отказался от должности, вроде бы идеально по нему сшитой. Непомерной показалась ответственность – все-таки без малого сорок человек в подчинении. А он всегда был только хорошим исполнителем.

На очередном их рандеву Иванова «дожала» Метелина. Он уже готов был следовать за ней куда угодно. А она рисовала ему теперь заманчивые перспективы, которые ждут их в «совместном полете». Он будет заниматься инженерным обеспечением их обоюдных проектов, станет ведущим менеджером фирмы, а там – и ее совладельцем.

– Объединив наши силы, мы продолжим то, что начал Майкл, и распространим наш бизнес по всему миру! А ты сможешь раскрыться по-настоящему, показать, на что на самом деле способен, – с воодушевлением говорила Иванова, и Метелин, заражаясь, верил ей.

Однако чем дальше слушал ее, тем больше мучил вопрос, который сам собой и сорвался с языка, когда она остановилась перевести дух:

– А что, Таня, в Америке нет хороших инженеров и менеджеров? За свои-то деньги ты, наверное, кого-нибудь и получишь меня можешь найти прямо там, на месте.

– Ты не понимаешь! – воскликнула Иванова и примолкла, опустив глаза. – Ну, как бы тебе это объяснить?.. – сказала

она после короткой паузы. – Конечно, я могу нанять хороших специалистов. И они у меня есть. Но дело-то совсем в другом. Я люблю тебя и хочу, чтобы мы вместе были и в любви, и в деле. Мне очень не хватает сейчас верного надежного человека, которому я могла бы всецело доверять. Хоть в личной жизни, хоть в бизнесе. А ты как раз такой. Я это поняла.

А Метелин про себя подумал, что нужен он Ивановой для исправления крена, возникшего после смерти Дворжецкого, и восстановления жизненного равновесия. И будет ли в нем необходимость после того, как равновесие восстановится и острота ощущения, вызванного случившейся бедой, исчезнет? Но подумал как-то вяло, отстраненно, словно о ком-то постороннем.

Две недели в любовном угаре пролетели незаметно. Через несколько дней должна была вернуться из отпуска Валентина. Иванова тоже засобиравалась в дорогу. Звали дела. Она и так задержалась в родном городе гораздо дольше, чем собиравалась. Метелин загрузился. От жены за время командировки и ее отпуска да еще благодаря их бурному роману с Ивановой он успел отвыкнуть. А теперь вот придется отвыкать и от Ивановой.

– Ничего, это временно, – словно читая его мысли, успокаивала Иванова. – После наверстаем. А пока суть да дело, будем улаживать формальности. Как только вернусь в Штаты, сразу вышлю тебе приглашение. Оно понадобится для получения визы.

В аэропорт Метелин не поехал. Знал, что обязательно нарвется там на сестру Надьку, а ему очень не хотелось перед ней засвечиваться.

Накануне они с Таней встретились все в том же «Лазурите». Вернее, возле него. В кафе заходить не стали. Просто постояли несколько минут у входа друг против друга, держась за руки, как юные влюбленные. Потом прильнули друг к другу и, не обращая внимания на удивленно оборачивающихся в сторону немолодой уже парочки прохожих, зашлись в затыжном поцелуе. Отстранившись, наконец, Иванова приложила горячую ладонь к груди Метелина, словно метая его личным клеймом, и пообещала:

– Я буду звонить. И ты – тоже. В общем, до связи. Да, еще... – сказала, пристально глядя в глаза с какой-то особой интонацией, словно привораживала: – Все время думай обо мне. О нас с тобой.

Метелин посадил Иванову на такси и долго смотрел вслед.

Часть III

А ведь действительно приворожила. Об Ивановой после ее отъезда Метелин только и думал. О ней и о себе в новой будущей – американской – жизни с возрожденной любовью. Вообще-то он очень смутно представлял себя в «каменных джунглях» огромной чужой страны под звездно-полосатым флагом. Его представления о ней мало чем отличались от того, что мог он видеть на телеэкранах или страницах глянцевого журнала. Впрочем, Метелин сначала особо и не напрягался по этому поводу. Главное, что там была Таня Иванова, с которой он скоро соединится, чтобы прожить остаток жизни в безмерной горячей любви. Образ Ивановой стал теперь постоянным спутником Метелина.

Но и сама она не давала о себе забыть: каждый день звонила, забрасывала эсэмэсками. Информации в них не было практически никакой, зато чувств и эмоций – через край. Они подливали масла в огонь, и Метелин, готовый в любую секунду сорваться по первому зову Ивановой, не находил себе места.

Хуже всего было ночами. Прожив вместе много лет, Метелины, в отличие от многих супружеских пар в их возрасте, до сих пор делили одно ложе. И если раньше это было для обоих совершенно естественным, как бы само собой разумеющимся, и никаких неудобств не вызывало, то теперь стало для Метелина настоящей пыткой. Ложась в постель, он поворачивал голову в подсознательной надежде увидеть рядом Танино лицо, ощутить горчичный жар ее тела, но наталкивался взглядом на жену, и на него накатывали обида и неприязнь. Словно кто-то зло подшутил над ним и подsunул совсем другую женщину.

Впрочем, другая и есть. Небо и земля, лед и пламень. Отвернувшись от жены на другой бок, Метелин, стараясь уснуть, невольно сопоставлял их как женщин, и сравнение было явно не в пользу жены. И в молодости-то широковатая в кости и талии, Валентина сейчас и вовсе отяжелела, обабилась. Васильковые когда-то глаза с годами выцвели. Но раньше он этого как-то не замечал. Не с кем было сравнивать. И без нужды. Зато сейчас...

Валентина поворачивалась к нему, приваливалась к его спине – Метелин ощущал ее тугую мягкую грудь – и, как делала это всегда, с первой их брачной ночи, забрасывала ему на плечо руку и ногу. В такой позе обычно и засыпала. Рука и нога были теплыми, но Метелину казались они раскаленными клещами. Он инстинктивно дергался и отодвигался на самый край кровати.

Вообще-то, Валентина в проявлениях чувств была по жизни весьма сдержанным человеком. Но сейчас любые, даже случайные прикосновения жены обжигали и раздражали его. Да и не только прикосновения. Весь ее вид рано поблекшей, изрядно потертой жизненными обстоятельствами, увядающей до срока женщины вызывал у Метелина неприязнь.

От Валентины перемены в его поведении, конечно же, не ускользнули. Она ничего не говорила, ни о чем не спрашивала, но посматривала с нарастающим тревожным подозрением. Что еще больше выводило Метелина из равновесия. В их семье подозрительность была не ко двору, поскольку и повода для нее всегда честные и прозрачные отношения между ними не давали.

Метелин понимал, что сам провоцирует эти подозрения, что надо взять себя в руки, сделать вид, что все по-прежнему, как всегда, все течет давно заведенным порядком. Однако лицедействовать не умел, а потому получалось плохо. Но и разоблачить себя нельзя. Какая тогда Америка! Значит, надо как-то подтвердить, что чувства к жене еще остались, что он «по-прежнему такой же нежный». А что лучше добротного секса может стать этому подтверждением?! Как говорится, клин клином...

Чем дольше они с Валентиной жили вместе, тем меньшей потребностью становился для них секс. Вещь с точки зрения возрастной физиологии вполне понятная. Но время от времени желание все же возникало и удовлетворялось с обоюдного молчаливого согласия и к общему удовлетворению, как и полагается у живущих душа в душу супругов. Делалось это, правда, спонтанно, без какой-либо системы и чьей-то из супругов определенной инициативы. Просто внезапно пробегала между ними искра, импульс, замыкая их тела в единую цепь, заполненную сексуальным электричеством.

Но сейчас Метелину приходилось самому проявлять инициативу. И это было невероятно трудно. Он лежал на спине, угловым зрением наблюдал, как в приглушенном свете торшера готовится ко сну Валентина – расчесывает волосы, надевает ночную рубашку. Он видел целлюлитные складки на боках крупного тела, и никаких эмоций это давно привычное зрелище в нем не вызывало. Зато когда он представлял на месте Валентины Иванову, по телу его прокатывалась горячая волна желания. Но вот Валентина выключала торшер, громко скрипнув пружинами матраца, опускалась на свою половину кровати, укладываясь поудобнее, затихла... И волна желания у Сергея Васильевича исчезала.

Метелин отворачивался от жены, но усилием воли на полпути останавливал себя, вспомнив о поставленной самому себе задаче. Валентина молчала, но Сергей Васильевич знал, что она не спит. Словно ждала продолжения. А у Метелина было чувство, будто привел он в дом чужую женщину и теперь не знает, как с ней обойтись.

«Нет, так не пойдет!» – рассердился он сам на себя и рывком повернулся к Валентине. Она сделала ответное движение, и они оказались лицом к лицу. Метелин всем корпусом навалился на жену. Одной рукой он тискал ее теплую податливую грудь, другой задирал подол рубашки, оголяя полные рыхловатые ноги. Рука Метелина поднималась все выше, подбиралась уже к «лону любви», но любовного вожделения не чувствовал. Да что там – тело его вообще никак не отзывалось на его старания. А главное сексуальное орудие постыдно висело тряпкой.

«Ну, что же ты, давай, не подводи!» – мысленно взывал Сергей Васильевич к непослушному своему организму, но тщетно. Интенсивные полумесячные занятия «Камасутрой» с Ивановой сказывались сейчас самым печальным и постыдным образом.

«А что, если это навсегда?» – вдруг пришло в голову Метелину, и он испугался. Но ведь так хорошо у них все недавно получалось с Таней! На месте жены ему представилась обнаженная Иванова во всей своей жаркой плотской красоте, и снова все в нем оживало, начинало шевелиться, напрягаться и подниматься, словно организм подключили к нужному источнику питания. Метелин обрадовался – значит, на самом деле ложная тревога. И поспешил воспользоваться неожиданным результатом. Пусть будет вместо Валентины Татьяна.

Стараясь удержать в себе образ разметающейся на постели Ивановой, Метелин медленно и осторожно, словно проводил космическую стыковку, стал подводить свое орудие к лону. Вот оно слегка коснулось его – осталось только скользнуть внутрь – и вдруг стремительно начало терять крепость и упругость, сдуваясь, как проткнутый воздушный шарик. Получалось, что его, Метелина, организм, словно чувствовал подмену и не давал себя обмануть.

Подергавшись еще немного в безуспешных попытках на теле супруги, Метелин, чуть не плача от досады, сполз на свою половину кровати. Вот и «подтвердил чувства». Вместо хорошего секса, способного развеять любые подозрения в супружеской измене, такой позор! На воре, получается, и шапка загорелась. Хоть проваливайся сквозь землю!

Метелин отвернулся, и тут же почувствовал на своем плече руку Валентины.

– Ну, не расстраивайся! – услышал он ее успокаивающий шепот. – Тебе же не двадцать лет. Бывает...

Бывает... – печальным эхом отозвалось в нем и тут же встретило решительное возражение: – Но ведь не было же до сих пор! А вслух Метелин, оправдываясь, забормотал:

– Простатит, наверное... Аденома простаты или еще что в этом духе. Это, говорят, влияет... Надо к урологу сходить...

– Сходи, обязательно сходи, – поддержала Валентина.

Случившаяся «осечка», оказалось, далеко не самое страшное, что могло произойти. Буквально на следующую ночь Метелин проснулся в холодном поту от собственного крика. Ему приснилась Иванова. В постели рядом с ним. С разметавшимися по подушке черными волосами. Метелин протянул руку, чтобы убраться с ее лба прядь, и лба не ощутил. Рука упала на пустую подушку. «Куда ж она делась?» – подумал Метелин, откидываясь на спину, и вдруг увидел ее над собой. Она парила под потолком то ли как богоявленская Панночка, то ли как булгаковская Маргарита.

– Иди ко мне! – завораживающим голосом позвала она его.

Неведомая сила оторвала Метелина от постели и поднесла к Ивановой.

– Сейчас мы вырвемся из этих стен и отправимся в свободный полет, как вольные птицы, – сказала она и взяла Метелина за руку.

Из ее ладони потек горчичный жар, наполняя какой-то особенной неземной энергией. Иванова легонько потянула его за собой – и не стало вдруг ни постели, ни стен спальни. Они неслись, держась за руки, куда-то над россыпью городских огней под россыпью звездной. Вот город остался позади, но захватывающий полет продолжался. Наконец, стали снижаться и очутились на краю гигантского обрыва. За спиной стояла ночь, а здесь было уже светло от разгоравшейся на горизонте зари. Метелин глянул вниз. У него перехватило дыхание и закружилась голова. Дна пропасти, скрытого густым туманом, видно не было.

– Мы сейчас оттолкнемся от края и полетим навстречу заре. Там – солнечная Калифорния, там – рай для нас двоих, – сказала Иванова, а у Метелина захолодело в груди от одной только мысли, что ему надо будет оторваться от этого прочного края и сигануть в тартарары неизвестности.

– Делай, как я, и не отставай! – воскликнула Иванова и, взмахнув руками, птицей взмыла над стеной обрыва.

Метелин попытался повторить, но ноги словно приросли к земле. Дикий ужас сковал его. Невероятно страшно было решиться на такой прыжок.

– Ну, давай же, решайся, у тебя получится! Надо только преодолеть себя! – кружа над ним, подбадривала, умоляла, требовала Иванова-птица, но страх был сильнее Метелина.

Иванова-птица сделала над ним последний круг и устремилась к пылающему горизонту.

Метелин понял, что она улетает навсегда, и ужас падения смешался в нем со страхом безвозвратной потери самого дорогого в его жизни.

– Таня, – закричал он, пытаясь догнать ее голосом своим, – Таня!..

И проснулся от собственного крика.

Проснулась и Валентина.

– Ты чего? – удивленно спросила она.

– Да так, приснилось...

– Интересно, что за Таня тебе приснилась? – спросила жена с ревнивой интонацией.

– Да не Таня. Тебе послышалось. Тома.

– Тома?

– Ну да, Тома. Дочка наша.

Дочь Метелиных действительно звали Томой.

– И чего это ты ее стал вдруг по ночам звать? – недоверчиво усмехнулась жена.

Недели через три после ее отъезда Метелину пришло от Ивановой письмо с приглашением в Соединенные Штаты Америки. Послано оно было, как они заранее и договаривались для конспирации, на главпочтамт «до востребования». Здесь же, в конверте, лежал исписанный изящным, легким и летящим Таниным почерком листок бумаги, где она деловито и коротко инструктировала его о дальнейших действиях. Но заканчивалось письмо совсем в другом стиле и тональности. «Ты мне снишься ночами, не отпускаешь меня ни на шаг. И я с каждым мгновением люблю тебя все больше...» – читал Метелин, и у него заходило сердце от ответной любви и нежности.

А потом начались хлопоты о визе. Надо было выправить загранпаспорт, собрать кучу разных бумажек – от анкет до сведений о близких родственниках. А после переправить все это через курьерскую службу в Москву, в посольство США. Там же, в курьерской службе, при подаче заявления с необходимыми документами Метелину назначили и дату собеседования в консульской службе посольства. На собеседовании предстояло присутствовать лично, поэтому надо было ехать в Москву.

И тут Метелину неожиданно подфар-

тило. В проектной документации к одному из договоров, который готовила сейчас их фирма к подписанию, потребовалось согласовать некоторые пункты в различных инстанциях. «Ты по этой теме – главный разработчик, тебе – и карты в руки!» – сказал шеф, отправляя Метелина в командировку. И это было так кстати! Отпадала необходимость самому искать повод для столичного вояжа.

В Москву Метелин прибыл за пару дней до собеседования. Этого времени ему хватило, чтобы утрясти свои служебные дела. Оставалось то, ради чего он, собственно, сюда и приехал. Утром Метелин отправился по нужному адресу в уверенность, что ждет его полный провал.

Метелину было назначено к половине одиннадцатого. Он пришел к посольству к десяти. На улице обнаружил человек пятьдесят-шестьдесят приглашенных на то же время. Встал в конец очереди. Простоял около часа, пока милиционер, проверив документы, не пустил в другую очередь – на вход в пристройку к зданию посольства. В самом помещении еще несколько очередей: чтобы сдать в гардероб имеющуюся электронику (мобильники и прочее), потом – металлические предметы вплоть до брючного ремня с пряжкой (совсем как контроль безопасности в аэропортах), чтобы сделать отпечатки пальцев... Наконец, последняя очередь – непосредственно на собеседование к одному из окошечек, за которыми находились консулы.

Шел уже третий час посольского «марафона очередей». Ноги у Метелина гудели. От голода и жажды сосало под ложечкой. Но пришлось еще как минимум на полчаса запастись терпением. Правда, перед консульскими окошками оказался небольшой зал ожидания с рядом стульев, и можно было посидеть, передохнуть.

Метелин облегченно опустился на один из стульев. И неожиданно пришло в голову, что за всю жизнь ему ни разу не пришлось выезжать за пределы своей страны. Бывшие советские республики, ставшие в одночасье Ближним Зарубеьем – не в счет. По служебным делам как-то не было за бугор пути, а на туристические поездки – денег. Их едва хватало на хлеб насущный. А тут предстояло сразу с родиной распрощаться – раз и навсегда!

Нет, о визе-то он хлопотал, конечно, гостевой, и надо было еще убедить американских чиновников, что у него и в мыслях нет оставаться в США. Иванова на сей счет его инструктировала и в письме, и в телефонных разговорах четко: «Поживешь сначала как турист, позже поменя-

ем твой неиммиграционный статус на иммиграционный. Дальше о виде на жительство станем думать, а там – и об американском гражданстве».

Метелин и в самом деле никогда раньше не думал о том, чтобы покинуть страну и кардинально поменять среду обитания. Даже в лихие девяностые, когда толпы его соотечественников наперегонки бросились кто на «историческую родину», кто туда, где, по слухам, глубже, лучше и слаще. Метелин относился к тем, кто изначально был убежден: где родился, там и пригодился. Большой сибирский город в центре России, где он когда-то увидел свет и прожил большую часть жизни, был «исторической» и всякой другой его родиной и «землей обетованной», вне которой он себя просто не мыслил. До сих пор. А теперь вот получается... Да ничего пока не получается – сам себя осадил Метелин – сейчас дадут ему от ворот поворот, и все вернется на круги своя...

Додумать свою мысль Метелин не успел – подошла его очередь исповедоваться у консульского окошечка. Со стороны это и вправду немного напоминало исповедальную беседу в католическом соборе. Только в глубине окошечка находился не пастор, отпускающий грехи, а чиновник, дающий или не дающий «добро» на получение вожделенной визы.

Чиновник оказался сравнительно молодым дружелюбным человеком лет тридцати пяти. Метелин подал ему документы. Консул бегло просмотрел их, поднял глаза на Метелина, стал задавать на английском вопросы. С трудом подбирая слова (не часто приходилось ему пользоваться этим языком), Метелин отвечал. Вопросы были в основном профессионального характера: где, кем и давно ли работает, чем занимается компания. И вдруг Метелин услышал:

– Не имеете ли вы намерения остаться в Соединенных Штатах?

– Как остаться? – не понял Метелин.

Ему почему-то показалось, что это консул предлагает ему остаться в Америке.

– Насовсем. Эмигрировать.

До Метелина дошел, наконец, истинный смысл вопроса. И снова подумалось ему, что в гробу бы он их Америку видел, если б не Иванова. Да и неизвестно еще, приживется ли он там вообще...

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил Метелин.

– Америка – лучшая в мире страна, в которую все стремятся! – с пафосом сказал консул.

– Так уж и все? – усомнился Метелин. – Я вот не стремлюсь. Мне чужая земля не нужна. Моя – здесь, в России. Из любо-

пытства взглянуть на вашу хваленую Америку – другое дело.

– Хорошо, хорошо, – заулыбался консул и застучал по клавиатуре компьютера.

Пауза затянулась на несколько минут. Метелин томился, не зная, что ему ждать дальше, к чему готовиться, в нужном русле прошла беседа или нет...

Наконец чиновник оторвался от компьютера и, послав Метелину еще одну лучезарную улыбку, сообщил:

– Ваша виза одобрена.

Метелин пробормотал слова благодарности и пошел на выход. Ни радости, ни удовлетворения он не испытывал. Зато Иванова, когда он сообщил ей по телефону о результатах своего похода в посольство, выплеснула в трубку протуберанец эмоций. А через несколько дней, уже вернувшись домой, в той же курьерской службе, через которую посылал документы в посольство, Метелин получил свой загранпаспорт с готовой визой. Путь в Америку был открыт.

Метелин подал заявление на отпуск. Как раз с середины сентября он ему по графику был положен. Заказал на это время билет в Нью-Йорк. Там в аэропорту Кеннеди его собиралась встречать Иванова, чтобы отправиться с ним дальше, на другой конец Америки, в Лос-Анджелес, в окрестностях которого ждал их «рай для двоих». Она и о деньгах на проезд для него позаботилась.

До вылета из Москвы оставалось еще почти три недели. Надо было их как-то пережить.

В офисе это удавалось легче. Приводя перед отпуском дела и бумаги в порядок, Метелин на время отвлекался от посторонних мыслей. Но иногда, словно чем-то неожиданно пораженный, вдруг застывал над ворохом документов. Один простой вопрос, на который, однако, у него не находилось ответа, вводил Метелина в ступор – неужели он больше никогда не вернется к этим привычным делам и людям, с которыми проработал много лет и многое смог пережить? Скоро, совсем скоро он исчезнет отсюда навсегда. Украдкой, тайно, обманом, убегом. Метелин представил, как вытянутся лица у коллег, привыкших видеть в нем не только хорошего специалиста, но и достаточно надежного и предсказуемого человека, когда они узнают вдруг о его бегстве. За кого они его примут? За оборотня? Нельзя разве как-то иначе?

Метелин об этом и Иванову в очередном телефонном разговоре спросил.

– А то ведь какое-то паническое бегство получается.

– Иначе будут сложности с твоей иммиграцией и перспективами на американское гражданство, – пояснила Таня и добавила с укоризной: – Ты и сам это должен уже понимать. Знаешь... – сделала она секундную паузу, будто что-то вспоминающая. – Я в свое время от Славки тоже просто взяла и сбежала...

«Ну, да, сравнила... Там совсем другой случай, – молча возразил ей Метелин. – Хотя...»

– Ладно, Сереженька, не вибрируй и не расслабляйся. Резкие решения бывают иной раз и единственно верными. Потом из Штатов позвонишь или напишешь и всем все объяснишь. И сослуживцам бывшим, и родственникам. А сейчас лучше тихо, без шума исчезнуть.

«Ну, ладно, с фирмой тихо, «по-английски» расстаться можно, – размышлял Метелин. – А с родными?»

Родственный круг Метелина постоянно редел. Давно уже ушли в мир иной отец с матерью, родители жены, три года назад погиб в автокатастрофе его старший брат. Не было рядом детей и внуков. Сын с дочерью жили отдельно своими семьями, но постоянно звонили и время от времени наезжали в гости. И когда собирались все вместе, получались настоящие праздники. Теперь вот предстояло обрубить и этот последний, семейный, корень, связывающий его с родной землей...

Метелин решил сходить на поспешных на кладбище. На родительский день, в мае, они были там с Валентиной, поправляли, убирали могилки, но тогда было совсем другое дело. Сейчас Метелин пришел один, попрощаться.

Родители и брат были похоронены в одной оградке. Их каменные надгробия выстроились короткой шеренгой – на правом фланге отец, на левом брат, в середине связующим звеном мать. Метелин сел на лавочку за деревянный столик, которые были вкопаны здесь же, в оградке, достал из пакета плоскую стеклянную фляжечку с водкой, пластмассовый стаканчик. Налил его до половины. Повертел в пальцах. Самые родные ему люди строго и серьезно смотрели на него с надгробных фотографий.

– Вот как бывает, – виновато вздохнул Метелин, обращаясь к ним. – Папа, мама, Дима, вы уж простите меня...

Он выпил, следом после короткой паузы еще. Водка, обжигая горло, прокатывалась в пищевод и разливалась по телу теплом воспоминаний о тех далеких днях, когда все еще были живы и вместе, одной семьей.

Вспомнилась их небольшая, но старания мамы всегда уютная квартира, где

хоть и тесно, но места хватает всем. Вкусно пахнет борщом, котлетами, пирогами, на которые мама была горазда. Валентина у нее потом училась. И не только кулинарному делу, подозревал Метелин, но и искусству семейной жизни. Мама умела уравнивать человеческие отношения. И дома, и на работе. И делала это с естественной легкостью и непринужденностью. Любые конфликты затухали при ней как бы сами собой. Каждому мама находила необходимые слова, а то, бывало, успокаивала и вовсе без слов – ей иной раз достаточно было просто обнять или погладить по голове, чтобы освободить от гнева или обиды. Отец получура называл мать миротворицей и говорил, что она придает их семейному кораблю прекрасную остойчивость.

Впрочем, и без него самого этот корабль себе трудно было представить. Внешне мрачноватый, немногословный, отец на самом деле был человеком отзывчивым и добрым. Он всю жизнь проработал на реке практически в одной должности, не помышляя ни о какой карьере, хотя возможности продвижения ему предоставлялись, а подрастающие сыновья требовали все больших затрат. Но отец был при своем деле, и это для него оставалось главным. Нехватку же денег в семейном бюджете он во многом компенсировал своими умелыми руками, следы которых в их семейном хозяйстве можно было найти где угодно. К тому же – «мужик в доме должен уметь делать своими руками все или почти все», – любил повторять – и сыновей учил. От отца они с братом и кроме этого многое переняли: его сдержанность, взвешенность, последовательность, ну, и, наверное, его преданность, верность. Как много в жизни он для него значил, Метелин особенно остро почувствовал после его смерти, когда и сам давно уже был отцом.

Снова вспомнился Метелину тот первый в его жизни рейс в низовья Большой реки, к Ледовитому океану. Они с отцом у борта теплохода с грузом для северян любят пожаром таежного заката. Ноют с привычки после вахты плечи, спина. «Ничего, терпи, – ласково треплет его по загривку отец. – Глядишь, настоящим речником станешь».

Речником не стал, но с реками дальнейшая судьба Сергея Васильевича связала прочно. А ведь тогда все и началось.

Правда, и без влияния старшего брата, которому Метелин в юности вольно или невольно подражал и за которым тянулся как нитка за иголкой, тоже не обошлось. Во всяком случае, вслед за ним, только из-за разницы в возрасте позже (к тому моменту Дима уже успел получить

диплом), Сережа и в институт тот же пошел. Да и вообще, брат был для него в их юные годы авторитетом и покровителем. А в навигацию, когда отец месяцами не бывал дома, Дима автоматически становился его полномочным представителем. И Сережа воспринимал это как должное. Тем более что взятой на себя отцовской властью старший брат не злоупотреблял, дедовщину по отношению к младшему не устраивал, хотя и распускаться тоже не давал.

Нет теперь родителей. Отец едва до пенсионного возраста дотянул – рак съел. А лет через пять не стало и матери. Накануне кончины, словно предчувствуя свой скорый уход, она напутствовала сыновей: «Чтобы ни происходило вокруг, не бросайте друг друга, ребята, держитесь вместе. Тогда все переживете». В стране уже начинался развал и раздраз, и слова матери звучали пророчески. Да они, по сути, таковыми и были.

Но нет уже и брата. Не за кого держаться. Выходит, подумал Метелин, он теперь как бы свободен от материнского завета. Именно «как бы»... Да, они покоятся под могильными плитами, но он-то живой, и в живом подлунном мире остается их полномочным представителем.

«Хорош полпред, если готов бросить и предать!» – невесело усмехнулся Метелин и налил в стаканчик еще.

Новая порция водки живительного тепла не добавила, окропив вместо этого небо осиновою горечью. Метелин пытался перебить ее, закусив яблоком, но горечь не проходила. Метелин запрокинул голову. Шумели над могилками высокие березы, стряхивая вниз золотистую осеннюю листву. Метелину подумалось, что и таких берез он там, за океаном, не увидит.

«Родники мои серебряные, золотые мои россыпи...» – услышал он вдруг где-то внутри себя знакомый еще со студенческих лет хриплый голос и чуть не заплакал от сознания того, что все это скоро останется далеко позади, в недостижимой прошлой жизни.

Метелин тяжело поднялся – слегка закружилась от хмеля голова, прошелся по оградке, смел с могилкок опавшие листья, протер эмалевые портреты на надгробиях. Отступив на пару шагов, осмотрел свою работу. Очищенная от пыли эмаль заблестела, однако лица родителей и брата почему-то, наоборот, потемнели и посуровели.

– Еще раз – простите и не поминайте лихом, – сказал Метелин, давась застрявшим в горле горьким комом.

Повернулся и шагнул за оградку. Ему почудилось, что родичи осуждающе покачали головами вослед. Метелин начал вы-

бираться по узкому лабиринту между могил к центральной аллее, но через несколько шагов почувствовал страшную усталость. Он привалился к вставшей на пути березе и понял, что совсем не хочет отсюда уходить. Что не в силах расстаться с этим насовсем. Что должен периодически возвращаться сюда.

Отвлек Метелина звонок мобильного.

– Привет, – услышал он Танин голос. – Чем занимаешься?

– Да вот... На кладбище зашел родителей и брата проведать.

– Любовь к отеческим гробам?

– Что? – не понял Метелин.

– Пушкина вспомнила, – пояснила Иванова и продекламировала:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

«Как верно!» – подумал Метелин, но тон Танин ему не понравился. Почудилась насмешка. Продолжать разговор расхотелось.

– Сережа, ты куда пропал? – наткнувшись на его молчание, встревожено спросила Иванова.

– Ничего плохого не вижу в «любви к отеческим гробам», – отозвался Метелин.

– Да кто бы сомневался? – сказала Иванова. – Ты что, из-за этого обиделся?

– Нет. Просто...

– У меня, между прочим, на том же кладбище свои «гробы», – напомнила она. – Перед отъездом ходила я туда маму с папой проводить. Это нормально, это правильно. Только знаешь, любовь эта от места жительства не зависит. Она, как и бог, должна быть всегда в тебе и с тобой, питать твое сердце, но не держать его мертвым якорем, не становиться помехой. В общем, милый мой, смотри на вещи трезво...

В самом деле, чего это он, – устыдился Метелин. Таня умела рассеивать сомнения и возвращать душевное равновесие. Даже сам голос ее, волнующий и возбуждающий, действовал бальзамом на душу.

С кладбища Метелин уходил уже в другом настроении. Снова захотелось побыстрее очутиться на другом краю земли, чтобы обнять Таню и начать жизнь свою с чистого листа. Оставалось, насколько это возможно, зажав свои нервы и чувства в кулак, спокойно дожидаться времени «Че».

Но спокойно не удалось. На следующий же день Метелин неожиданно прокололся, глупейшим, можно сказать, образом попухнулся – уходя на работу, оставил на тумбочке в прихожей свой сотовый.

Вспомнил о нем лишь в обед. В это время обычно звонила Таня. Но перерыв заканчивался, а мобильник молчал. Метелин проверил свои карманы и похолодел: ведь сам же утром в поисках какой-то бумажки на минутку вытащил его, да так и забыл на тумбочке.

Ну, забыл и забыл – что за проблема? А проблема была в том, что Валентина, в отличие от него, работая неподалеку, на обед ходила домой. Могла взять трубку, уступая настойчивому звонку (а они у Ивановой были заряжены такой же целеустремленной энергией, как и все другое, чтобы она ни делала), услышать Танин голос. Ничего, конечно, особенного – мало ли кто спрашивает. Жена обычно и не интересовалась происхождением его звонков. Но когда включается женская интуиция, трудно предсказать, как может повернуться дело. Еще хуже, если Валентина прочтет очередную нежную эсэмэску, которыми Иванова забрасывала его каждый день...

После обеда Метелин не находил себе места. Домой он сорвался, не дождав-шись окончания рабочего дня.

Валентины еще не было. Мобильник лежал на тумбочке. Метелин схватил его. Так и есть – два пропущенных звонка! А вот и эсэмэска. «Привет, мой дорогой! Почему не отвечаешь на звонки? Как дела? Жутко скучаю. Считаю дни до нашей встречи. Целую и люблю в знойной степени!» – высветились на дисплее слова. К этим Таниным посланиям Метелин успел привыкнуть, но в то же время ждал их всегда с нетерпением ребенка, которому обещан подарок «от зайчика». Однако же сейчас его прошиб холодный пот.

Валентина появилась через полчаса, молча прошла в спальню. Пока она переодевалась, облачалась в домашний халат, Метелин лихорадочно соображал – прочла жена эсэмэску или нет. Валентина перебралась на кухню, загремела посудой. Теряться дальше в догадках не было сил, и Метелин решил провести разведку боем.

– Я утром на тумбочке свой мобильник забыл, – как можно безразличнее сказал Сергей Васильевич. – Ты когда в обед домой заходила, мне никто не звонил?

– Звонили и даже очень настойчиво, – ответила, как показалось Метелину с вызовом, Валентина. – Даже пришлось трубку взять.

– И кто это? – постарался остаться в той же тональности Метелин.

– Да вот не захотели со мной разговаривать, – уперлась в него ледяным взглядом Валентина, и Метелин понял, что об эсэмэске она тоже знает.

Кто другой на месте Валентины, наверное, тут же закатил бы жуткую истерику, но устраивать сцены было не в ее характере. Она даже не стала спрашивать, кто автор любовной эсэмэски. Просто молчала и вела себя так, будто в квартире, кроме нее, никого нет. И это било по нервам еще сильнее.

Может, выложить ей честно все прямо сейчас, облегчив душу перед отъездом, – мелькнула мысль, но как это сделать, Метелин не представлял. Да и что он расскажет? О девочке Тане, которая на заре туманной юности дала ему от ворот поворот, а теперь вот, снова возникла в его жизни уже зрелой красавицей и успешной бизнес-леди, тоскующей о надежном друге и компаньоне, и позвала его с собой в заокеанскую светлую даль? И как это будет понято человеком, который до сих пор считал его нераздельной своей половиной? Как многолетний обман? Нет, не поворачивался язык! Видно, и правда, проще позвонить, а еще лучше написать уже оттуда, из Америки.

Метелин долго не ложился спать, ожидая, когда уснет жена, но и в постели чуть ли не до утра не смыкал глаз, переживая случившийся конфуз.

Завтракали молча. Валентина по-прежнему в упор не видела его. Метелин, уткнувшись в тарелку, не поднимал глаз. Любой более-менее опытный «ходок» уже давно б, наверное, «отмазался», придумав не один вариант оправдания. Напрочь, например, открестился бы от эсэмэски, сказав, что кто-то просто номером ошибся или, вообще: мол, я – не я и собака не моя. Но Метелин не был «ходоком», не отличался ни находчивостью, ни умением убедительно вешать лапшу на уши. Да и момент упустил. Промолчал вчера на последнюю реплику Валентины, не стал возражать, опровергать и тем самым как бы признал, пусть и косвенно, свою вину.

Тане о перехваченной женой эсэмэске Метелин не стал говорить. Зачем, если сам ротозей! А вечером его ждал новый сюрприз. Вернувшись с работы, Метелин увидел в зале рядом с диваном дорожную сумку, с которой ездил по командировкам. Сумка была раскрыта, и там уже лежала стопка белья, его любимый тренировочный костюм, электробритва...

Обычно Валентина сама собирала его в поездки. Да, но ведь ни о какой новой командировке с тех пор, как вернулся из Москвы, он ей не говорил! С чего же она взяла? «Считаю дни до нашей встречи» – вспомнилась Метелину эсэмэска, и он тяжело опустился на диван – как тут не догадаться! И получается, что вовсе не в командировку, а в путь дальний, насов-

сем она его собирает. Вроде как от дома отлучает, знать дает – вот тебе бог, а вот порог. И все молча, без единого слова и вопроса. Вроде как был человек – и нет его. А на нет и суда нет. Остается только чемодан за порог.

Муторно стало от этого Метелину. Душили злость и обида. Многие годы совместной их жизни взять и молча демонстративно зачеркнуть! Смотри, как бы локти потом кусать не пришлось! – мысленно пригрозил он жене. А впрочем, даже и хорошо, что так. Последние сомнения рассеяны, и теперь ему возврата уж точно нет.

В спальню, на свое законное супружеское ложе Сергей Васильевич не пошел. Ночь провел в зале на диване. Уснул, как ни странно, почти мгновенно. Снилось Таня, небоскребы и океанский прибой.

Встал выспавшимся, бодрым. Засобирался на работу, но вспомнил, что сегодня выходной, и приуныл. Пробыть целый день наедине с женой ему не улыбалось. Тем более что Валентина по-прежнему молча избегала его, а он, в свою очередь, обиженный ее вчерашним демаршем с дорожной сумкой, не собиравшись делать первым шаги к примирению. Надо было что-то придумать.

Но придумывать ничего не пришлось. Позвонила дочь и сказала, что собирается с детьми навестить их. Сергей Васильевич обрадовался. И не потому лишь, что появился естественный выход из ситуации. Детей своих, а тем более внуков, он любил и всегда рад был их видеть. Сын женился недавно и обзавестись потомством еще не успел, зато у дочери подрастали двое мальчишек-погодков четырех и пяти лет – Вася и Сережа. Старшего называли в честь деда Сергеем, и Метелин этим страшно гордился. Дочь жила в отдаленном «спальном» микрорайоне, но по выходным старалась с ребятишками стариков своих навещать.

Едва только они пришли, Метелин увлек внуков за собой в парк неподалеку и провел там с ними весь день, катая на аттракционах, пони, давая вволю поскакать на надувном резиновом батуте, поиграть в детском городке, порываться в песочнице, просто побегать по парковым аллеям и газонам. Сергей Васильевич их лимонадом, мороженым, сахарной ватой, покормил в летнем кафе. Он с улыбкой смотрел на резвящихся внуков, узнавал в них некоторые свои черты, и ему было хорошо. Их детская радость передавалась и ему. Возвращались, когда начало вечереть. Ребятишки так заигрались, что Метелину стоило немалого труда увести их из парка. Соглашались только тогда, когда он клятвенно пообещал, что в сле-

дующий выходной они снова проведут в парке весь день.

Пообещал и прикусил язык. Через неделю он будет уже далеко отсюда. И увидит ли эти две веселые мордашки когда-нибудь вообще?.. Прекрасное расположение духа, в котором Метелин пребывал все время в парке, стало быстро таять, улетучиваться, уступая место такому знакомому в последние дни тягостному унынию.

Отъезд из родного города Метелин наметил на понедельник. Рейс до Москвы он выбрал такой, что времени на стыковку с нью-йоркским рейсом, учитывая переезд из Домодедово в Шереметьево, оставалось в обрез. «Зачем лишнего болтаться по столице?» – говорил он сам себе. Сильно, конечно, при этом рисковал Метелин. Не дай бог, какая задержка в пути или накладка, и все – помашет ему крыльями с высоты заокеанский «Боинг». Однако подспудно, в чем он и сам себе не признался бы, как раз на это надежда у Метелина и теплилась.

Но до понедельника оставались еще целые сутки. День простоять и ночь продержаться... А день воскресный, нерабочий. Сходить к кому-нибудь в гости? Но Сергей Васильевич ни с кем не приятельствовал до такой степени, чтобы нагреть без предупреждения. Да и не хотелось напоследок лишнего общения. Но и наткнуться то и дело взглядом на жену, заполнившую квартиру одним большим живым колючим укором, тоже не было сил. Ладно, решил Метелин, можно просто в парке побродить, посидеть. Но тут услышал, как хлопнула входная дверь. Валентина опередила его, ушла сама. Видно, ей тоже было невозможно находиться рядом с ним.

Сергей Васильевич облегченно вздохнул и взялся за дорожную сумку. Таня строго-настроено наказала ему не брать с собой много вещей – только самое необходимое. В результате сумка осталась полупустой. «Так и получается, – подумал Метелин: – Обзаводишься одним, другим, третьим, в доме тесно от всякого барахла – все кажется нужным, важным, а приходит время, и в сухом остатке – пшик на дне дорожной сумки».

Соображая, не забыл ли какую-нибудь действительно необходимую вещь, Метелин выдвинул один из ящиков письменного стола, и в дальнем его углу рука нащупала что-то мягкое. Он извлек оттуда полиэтиленовый мешочек, вытряхнул на стол содержимое и увидел вязаные девичьи рукавички. Сергей Васильевич задумчиво помял их в руке, поднес к носу и почувствовал горчичный жар Таниной

ладошки. Поколебавшись, снова вложил рукавички в пакет, который отправил на дно сумки. При встрече вернет наконец-то хозяйке. Пусть напомнят ей, как начинались их отношения.

В последнюю свою ночь на родине спал Сергей Васильевич отвратительно. Без конца ворочался на диване. Чуть свет уже был на ногах, хотя самолет улетал ближе к полудню, и еще вчера Метелин хотел «проспать» уход жены на работу, чтобы потом спокойно отправиться в аэропорт.

Валентина по-прежнему молчала. Только теперь уже не смотрела мимо. Скорее, наоборот, напряженно следила за каждым движением мужа. Иногда, казалось, она порывалась что-то сказать, но сдерживала себя. Метелину бы воспользоваться моментом и разрядить обстановку, самому начав разговор. И если уж и не признаться, то тогда, наоборот, попытаться уверить, что сознаваться ему не в чем, что все идет своим чередом, а он действительно собрался в командировку и денька через четыре вернется. По крайней мере, расстались бы нормально. Но Сергей Васильевич уже закусил удила. Бес противоречия пришпорил его и не давал пойти вспять.

Наконец Валентина собралась уходить. Метелин хотел остаться в зале, но передумал – все-таки последний раз видит – и вышел за ней в прихожую. Сентябрь стоял теплый, бабье лето в разгаре. Ходили пока еще без плащей и курток. Валентина была в красивом нарядном платье, которое, впрочем, не делало ее более стройной. Метелин мгновенно представил на ее месте Иванову, и опять сравнение было далеко не в пользу супруги.

«И чего вырядилась?» – неприязненно подумал он, ожидая, когда жена откроет входную дверь и переступит порог прихожей.

Валентина щелкнула замком, потянула дверь на себя, впуская прохладный поток воздуха с лестничной клетки, на какие-то мгновения замерла, словно бы не решаясь оставить квартиру, потом резко обернулась к Метелину. Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы, грудь тяжело вздымалась в сильном, по всей видимости, волнении. Метелин крайне редко видел жену такой – она в любых обстоятельствах умела держать себя в руках, и ему стало ее жалко. Валентина впилась в Метелина взглядом, будто собралась проникнуть напоследок до самого донышка и запечатлеть в памяти навсегда. Были в нем и недоумение (что и почему так случилось?), и отчаяние (рушились десятилетия прожитой жизни, все, что долго

складывалось по кирпичику в совместных трудах и усилиях, по обоюдному, казалось бы, чувству и согласию), и мольба-призыв (одумайся, остановись, не делай этого!). Не в силах выдержать ее взгляда, Сергей Васильевич опустил глаза. Валентина глубоко вздохнула и вытолкнула из себя одно-единственное слово:

– Прощай!

Метелин видел, с каким трудом далось оно Валентине, но ничего обнадеживающего для нее в ответ у него не нашлось, и он промолчал.

Валентина так же круто, как до этого, развернулась и, давась слезами, выскочила на лестничную площадку. Метелин слышал, как хлопнула за нею входная дверь, как вызывает она лифт, как закрываются с железным лязгом его створки, но продолжал стоять истуканом в прихожей. Чем же она виновата, что его на старости лет заносит на жизненном вираже? И разве заслуживает она такого расставания? – спрашивает себя Метелин и корил: какая же он, все-таки, по отношению к ней скотина!

После ухода Валентины Сергей Васильевич позавтракал, бесцельно поспонялся по квартире, заглядывая во все углы, постоял на балконе, глядя сверху на золотой осенний листобой. Интересно, подумал, а там, в Калифорнии, листопад бывает? Вряд ли – субтропики. Ну, все, решил, – пора! Закинул на плечо сумку, пошел в прихожую, отмечая по привычке, не оставил ли чего включенным. Когда закрывал дверь, сначала не мог попасть ключом в замочную скважину – не слушались пальцы. Осилив кое-как замок, погладил дерматин дверной обивки и шагнул к лифту...

Полет до Москвы прошел без малейших задержек и накладок. Все тика в тика. И в Шереметьево доехал без проволочек.

Сразу возле входа в терминал Метелин прошел через пункт досмотра пассажиров и багажа. Дальше – таможенный контроль. Пока проходил его, вспомнил последний разговор с шефом.

– Хорошо тебе, Сергей Васильевич, отдохнуть, подкопить сил, – напутствовал шеф. Они тебе пригодятся. Когда вернешься, тебя будут ждать великие дела. – И на немой вопрос в глазах Метелина пояснил: – Очень серьезные заказы на подходе. Так что набирайся сил, готовься...

...Ну, да, хмыкнул Метелин, – «когда вернешься»...

Регистрация на самолет в Нью-Йорк уже началась, и Метелин направился к стойкам регистрации рейсов, на ходу глазами отыскивая нужную ему. А вот и она. Подал билет и паспорт. В ожидании, пока

девушка за стойкой сделает необходимые формальности, Метелин прикрыл глаза. Вернее, веки его смежились сами собой. Сказывалась последняя бессонная ночь дома, да и когда в Москву летел, как ни старался, вздремнуть не смог. И вот теперь дрема обволакивала его, мерцающая сполохами видений.

...Метелин погладил дерматин двери и направился к лифту. Его створки раздвинулись, и Метелин увидел Валентину. Остановившимся взглядом, молча, смотрела она на него. Ее глаза не спрашивали, на кого и почему он ее променял. Это было уже совсем не важно. «Будет ли тебе лучше от собственного вероломства?» – говорили они...

...И тут же следом увиделся Метелину теплый, промытый недавним дождем августовский день. Они и брат на даче у родителей. Каждый со своим семейством. Дети у обоих еще небольшие. От их птичьего звонкоголосья шумно и весело. Да и взрослые кажутся еще такими молодыми, полными сил и здоровья. Даже отец с матерью. Обедать садятся за сколоченный из досок и вкопанный в землю стол под развесистой черемухой. Отец наливают взрослым собственного изготовления настойку, пережидает, пока уймется детвора, поднимает стакан и, окидывая всех затуманившимся взором, растроганно говорит:

– За счастье видеть вас всех вместе!

И вместе с теплом настойки тогда действительно накатывало ощущение переполюющего счастья.

Но был ли он, Метелин, на самом деле по-настоящему счастлив все свои семейные годы? Или только жил в ожидании этого счастья, даже не зная, какое оно?

И вот появилась Таня...

...Ожил, начал подавать свои позывные мобильник. Метелин вынырнул из сонного омота, очнулся. Достал из кармана куртки телефон. По высветившимся на дисплее цифрам номера понял – это она, легка на помине!

– Ты сейчас где? – услышал в трубке Танин голос.

– В аэропорту. У стойки регистрации.

– Никаких задержек и прочего нет?

– Нет, все по расписанию.

– Прекрасно! Тогда, как всегда, нежно целую и с нетерпением жду в Нью-Йорке. Гуд бай!..

Звонок Ивановой вызвал у Сергея Васильевича реакцию бодрящей, поднимающей тонус инъекции. Сердечная тяжесть отступила.

Получив назад свои документы вместе с посадочным талоном, Метелин поблагодарил девушку за стойкой и, подхватив сумку, которую оформил как ручную

кладь, направился в зону паспортно-визового контроля. На ходу подумал, что посадка на самолет напоминает бег с барьерами, из которых остался фактически только один. Дальше – «накопитель», или, как называют его в международных терминалах, «стерильная зона», где остается только дожидаться, пока пригласят на посадку. Скорей бы преодолеть этот последний барьер! А там – вольной птицей к своей любимой, к счастью, к которому столько шел!..

На их рейс у стойки паспортно-визового контроля скопилась небольшая очередь. Метелин пристроился в хвосте, поставил сумку на пол, и снова веки его начали слипаться, обволакивая вязкой дремой. Гул аэровокзала стал глуше, невнятной, словно через вату пропущенный. Пребывая на грани яви и сна, Метелин автоматически подталкивал ногой сумку в сторону стойки сообразно движению очереди.

Перед входом в «стерильную зону» он вдруг увидел Таню. В плотно облегающих стройные бедра джинсах, тонком, упруго натянутом на груди легком свитерочке под распахнутой спортивной курточкой, с непокрытой без единого седого волоса головой она была невероятно хороша и молода. Таня призывно махала ему рукой. Метелин даже и не удивился, почему она здесь, а не за океаном. Может быть, это он уже там? Нет, возразил Сергей Васильевич сам себе, наверное, еще здесь. Слух уловил всплывшие откуда-то издалика слова объявления о продолжении регистрации на рейс Москва – Нью-Йорк.

Таня, улыбаясь, махала рукой там, впереди, а Метелин чувствовал, что кто-то и здесь, за спиной, не спускает с него глаз. Догадываясь, хотел повернуться, но почему-то оробел. Решил не оглядываться, смотреть только в сторону Ивановой. Однако же и ответно помахать ей рука не поднималась. Все-таки обернулся – и нервная дрожь пробрала от пяток до макушки: так и есть – ОНИ пришли его проводить! ВСЕ вместе!

ОНИ предстали перед ним, как будто сошли с семейного фото. В центре – рука об руку – мать с отцом, справа – брат с женой и небольшими еще сыновьями, слева – Валентина, за спиной которой их уже взрослые сын и дочь. Перед Валентиной – внук. Валентина – в том же нарядном платье, в котором Метелин видел ее утром. У Валентины мешки под глазами, обрисовался второй подбородок, заметно, как ее расплывающаяся фигура теряет четкость очертаний. Руки Валентины лежат на плечах внука, и вздутые синеватые вены ладоней лишь подчерки-

вают тот грустный факт, что ее «женское время» неумолимо уходит.

На этом фото недоставало только самого Метелина. Он уже как бы отделился, перешагнув рамку кадра. Через несколько минут он пройдет паспортно-визовый контроль, преодолеет последнее препятствие и станет для всей своей родни – почившей и здравствующей – отрезанным ломтем...

– Ну что вы замерли! – услышал Сергей Васильевич позади себя сердитый голос пожилой мадам. – Двигайтесь, не задерживайте!

– Извините, ради бога, извините! – очнувшись, забормотал Метелин, подпихивая вперед сумку и делая вслед пару шагов.

Движение в очереди замерло в ожидании, пока оформят очередного пассажира, и Сергей Васильевич снова стоя задремал...

...Иванова продолжала махать ему рукой из «стерильной зоны». И что-то вроде бы кричала ему оттуда. Слов не было слышно, но Метелин прочитал по губам: «Я люблю тебя и жду! Остался последний барьер на нашем пути!...» И сердце Метелина рванулось к ней.

Но он тут же вспомнил о НИХ. Теперь ОНИ стояли вокруг него полуколем и тоже что-то беззвучно говорили ему.

По их губам Сергей Васильевич читал: – Бросаешь нас, сынок, от добра добра взялся искать? – сокрушалась мать.

– И будет ли новое на чужой стороне лучше? – вторил ей отец.

– Значит, жар-птица счастья тебя за океан, Серега, поманила? – насмешливо спрашивал брат. – Смотри, как бы потом вороной она не оборотилась!

– Я тебе всю жизнь больше чем себе верила, а ты предателем оказался! – с горечью констатировала Валентина, а дочь в полном недоумении вопрошала:

– Папа, что с тобой случилось? Ты же всегда был лучшим в мире отцом?..

Не зная, что ответить дочери, Метелин перевел взгляд в сторону Ивановой. Губы ее шевелились с удвоенной энергией.

– Не слушай никого! – читал он по ним. – Мы с тобой любим друг друга, а значит, должны быть вместе. Все остальное неважно. Отрешишься от того, что было, и не оборачиваясь на прошлое, вперед, только вперед, к нашей с тобой новой прекрасной жизни! Остался последний барьер...

Метелин переводил взгляд с родных на Иванову и обратно и чуть ли не физически ощущал себя канатом, который каждая из сторон пытается перетянуть. Силы примерно равны, и все теперь зависит только от него: в какую сторону качнется он сам...

– Прошу ваш паспорт и визу, – услышал Сергей Васильевич и понял, что он уже возле стойки паспортно-визового контроля.

– Да, да... – спохватился Метелин и полез во внутренний карман куртки.

Он нашарил документы, но рука так и осталась в кармане. Метелин беспомощно оглянулся, потом бросил взгляд в сторону «стерильной зоны». Ни здесь, ни там никого не увидел. Тем не менее он по-прежнему чувствовал их присутствие. И Таня, и ОНИ замерли, напряженно ожидая, подожжет ли он сейчас собственноручно последний оставшийся за собой мост...

– Мужчина, нельзя ли быстрее? – поторопили его за стойкой, а стоящая за ним строгая мадам проворчала:

– Заранее не мог приготовить.

– Извините, сейчас, извините... – пытался Метелин извлечь непослушными пальцами паспорт.

Наконец кое-как справился с неподатливым карманом, выдернул документы и положил на стойку. И ощутил спиной тяжкий разочарованный вздох. И почувствовал, как впереди в восторге захлопала в ладоши Иванова.

Девушка в униформе авиакомпании вернула документы. Препятствий впереди больше не было. А позади «горел» последний мост. Метелину оставалось каких-нибудь десяток шагов, чтобы переступить порог его новой жизни, за которым обратного пути уже не будет...

Сергей Васильевич неуверенно двинулся к «стерильной зоне». Движение давалось ему с таким трудом, словно скован был он кандалами, а в сумке нес тяжеленные гири. Он весь взмок.

В шаге от вожделенного «порога» остановился перевести дух, смахнуть пот и тут почувствовал на своем запястье нежное прикосновение детской ладошки. Рядом никого не наблюдалось, но Метелин уже знал, что это была ладошка одного из его внуков-погодков. Они – один повыше, другой чуть пониже – держались за руки и смотрели на него, задрав русые головенки, а Сережа тряс деда за запястье и спрашивал:

– Деда, а когда ты вернешься? Ты обещал опять с нами в парк пойти. На весь день. Обещания надо выполнять, деда. Сам говорил...

И это была чистая правда: говорил, внушал постоянно желторотым пенчикам своим, что слово надо держать, а обещания выполнять.

И что-то лопнуло внутри Сергея Васильевича перетянутой струной, сломалось, лишило его энергии целенаправленного движения.

– Мужчина, с вами все в порядке? – встревожено спросила дежурная у входа в зону ожидания посадки

– Да, да... Все нормально, нормально...

– Тогда проходите, пожалуйста! – пригласила она.

В ответ Метелин круто развернулся и пошел в противоположную сторону.

– Куда вы? – удивленно воскликнула ему вслед дежурная. – Вход здесь!

– Что-то, наверное, забыл, – предположил стоявший рядом с ней милиционер.

А Метелин, ускоряя шаг, словно промедление было смерти подобно, продолжал уходить туда, откуда недавно начал он свой «бег с препятствиями». И чем дальше уходил, тем свободней ему делалось.

Остановился Сергей Васильевич лишь когда очутился за пределами терминала. Площадь перед ним была забита легковыми машинами, першило в горле от бензинового перегара, но только сейчас, наконец, впервые за несколько последних дней Метелин почувствовал настоящее облегчение.

«Эх, Метелин, опять ты упустил свой шанс!..» – услышал он внутри себя голос Тани. И почему-то совершенно не огорчился.

Заверещал мобильник. Метелин некоторое время смотрел на высветившийся номер Ивановой, размышляя, как поступить с настойчиво трезвонившим телефоном. Потом отключил и опустил его на дно сумки.

По пути рука Метелина наткнулась на пакет с рукавичками. Вынув их из сумки, задумчиво повертел перед собой. Снова увиделась ему гибкая фигурка девочки, обтянутая свитером и спортивными брюками, ее забавный помпончик на шапочке и он сам, сжимающий красными, как клешни вареного рака, руками лыжные бамбуковые палки. Видение появилось и исчезло. Только послышалось тихим отзвуком: нет, не поворотить время и не вернуться к своему началу, к тому, что было. Из того сокровенного далека лишь сладостно щемящее душу ощущение не-

избыточной свежести первого чувства навсегда остается с тобой.

Сергей Васильевич отыскал в аэропорту почтовое отделение и долго сидел над листом бумаги, пытаясь объяснить Тане в письме, что же такое с ним в последний момент случилось. Но слова на бумагу не ложились, потому что и сам себе он не мог дать на это никакого вразумительного ответа. Как нежданно-негаданно знойным июлем все накатило, так тихим бабьим летом непонятным образом и схлынуло.

Изрядно поломав голову, все-таки написал на четвертушке листа: «Я должен остаться, хотя и по-прежнему тебя очень люблю. Прости!» Потом вложил записку в пакет с варежками, который тут же бандеролью отправил на калифорнийский адрес Ивановой.

Наблюдая, как проштамповывает работница почты бандероль, представил себе удивление и смятение Ивановой, когда она получит ее и прочтет записку.

Потом достал из сумки телефон, обнаружил за то очень недолгое время, что искал почту и занимался бандеролью, два пропущенных звонка от Ивановой. И это, подумал, только начало. В покое не оставит. Мобильник на день рождения подарила ему Валентина. Телефон ему нравился, его было жалко. Но... Сергей Васильевич прошел в небольшой скверик возле левого крыла терминала и зашвырнул его в кусты.

Теперь оставалось одно – возвращаться домой...

Стояла глубокая ночь. Метелин купил билет на ближайший рейс в их город и вышел на свежий воздух. Он знал, что по возвращении предстоят ему еще долгие и тяжелые объяснения с Валентиной, которая никогда быстро не воспламенялась, но и остывала медленно, и прощала тяжело. Но сейчас это уже не имело для него никакого значения.

Метелин вдохнул полной грудью прохладный воздух, и ему стало так хорошо и вольготно, словно он уже успел побывать изрядное время на чужбине и, набравшись не лучших впечатлений, вернуться, наконец-то, обратно...